А. И. БОГУСЛАВСКИЙ

НАШИ ПИСАТЕЛИ

ЧТО ЧИТАТЬ ПО СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ОДЕССА БИП 1927

028.

А. И. БОГУСЛАВСКИЙ.

НАШИ ПИСАТЕЛИ.

ЧТО ЧИТАТЬ ПО СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

(1917 10 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1927)

ОДЕССА БИП 1927

Я 10х / 0:9

ТИПОГРАФИЯ „ИЗВЕСТИЯ"
ИМЕНИ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА
ОДЕССА, ОКРЛИТ № 510.
ЗАКАЗ № 5943—5000 экз.

БИБЛИОТЕКА
2001
Y27.

ОТ АВТОРА.

Десять лет для истории литературного развития — срок небольшой. Но после 25 октября 1917 г. жизнь наша шла таким стремительным темпом, была исполнена такого множества событий, насыщена таким богатым содержанием, что десятилетие, отделяющее нас от этой великой даты, выросло по своему значению в целую историческую эпоху.

Каждая эпоха создает свое искусство, и на наших глазах у нас за эти десять лет появилась, разрослась и окрепла молодая поросль революционной художественной литературы. Пусть эта литература еще недостаточно зрела в смысле формального мастерства и далеко несовершенна с точки зрения строгих художественных требований, — правы все-таки те критики, которые утверждают, что это теперь — величайшая в мире литература, потому что она родилась и существует в стране, где произошла величайшая в мире революция. Из'яны формы и недостатки художественной обработки с лихвой искупаются богатством содержания, разнообразием тем, самобытностью материала. И все это — и содержание, и темы, и материал — восходят к одному животворящему и могучему источнику — революции.

Из этого же источника наша молодая литература черпает другое свое преимущество, выгодно отличающее ее, как от русской литературы предшествовавших революции лет, так и от современной иностранной литературы. Это — та эмоциональная напряженность, во-

одушевление и пафос, которые подчас с избыточной силой сказываются в произведениях наших молодых писателей, — в особенности писателей пролетарского крыла. Целеустремленность их творчества, революционный под'ем, четкая социально-классовая установка придают их произведениям активно-воздействующую, заражающую силу.

Но и в чисто формальном отношении наша советская литература, по крайней мере в лице своих наиболее талантливых представителей, имела за эти годы ряд немаловажных завоеваний. Новый материал, новая тематика вызвали к жизни и новые приемы художественной обработки этого материала и оформления этих тем. Многие из них вполне себя оправдали и останутся в арсенале литературного мастерства. Словарь, изобразительные средства, способы сюжетного построения, искусство портрета, жанра, пейзажа — все это необычайным образом обогатилось и обновилось в руках молодых мастеров художественного слова.

Залог дальнейшего успешного развития нашей молодой художественной литературы заключается в прочной связи ее с читательской массой, чьи здоровые требования, запросы и вкусы послужат лучшим регулятором в деле выпрямления и роста, как творчества отдельных писателей, так и всей литературы в целом.

Отсюда совершенно очевидной становится необходимость широкого продвижения этой литературы в среду трудового читателя, который и сам обнаруживает к ней большую тягу, но подчас, не имея должного руководства, не в силах самостоятельно разобраться в ее потоке.

Попытки притти на помощь этому читателю в деле сознательного ознакомления с богатствами современного художественного слова имеют место, но их еще совершенно недостаточно.

На сегодняшний день в распоряжении человека, который хотел бы ориентироваться в советской худо-

жественной литературе, есть ряд сборников критических статей отдельных авторов; несколько учебных пособий с установкой на школьную проработку; ряд обширных библиографических справочников и 2—3 сборника биографических материалов. Для читателя, обладающего хорошей литературной подготовкой и привыкшего к самостоятельному пользованию серьезными критико-библиографическими источниками, или для учащегося, специально прорабатывающего вопросы современной литературы под руководством преподавателя, подобные пособия могут оказаться весьма полезными и достаточными. Но для рядового, мало искушенного в литературе читателя, для человека, занимающегося литературой в порядке самообразования, нужны руководства менее обширные по охвату и размеру и более элементарные по содержанию. Такие руководства должны носить строго рекомендательный характер и давать в конспективной форме необходимый минимум критического, биографического и библиографич. материала.

Опыт подобного руководства представляет предлагаемая книга. В ней из многих десятков современных русских художников слова вниманию читателя предлагается только 15 наиболее популярных и выдающихся писателей-прозаиков. Большинство из них принадлежат к пролетарскому крылу нашей литературы, — остальные взяты из числа тех попутчиков, которые по направлению своего творчества ближе всего стоят к пролетарской ревелюции. «Попутчики», вроде Пильняка, и ново-буржуазные писатели типа Ал. Толстого и Эренбурга, не включены в книгу.

О каждом писателе, вошедшем в книгу, даются «Краткие сведения», касающиеся его жизненного и творческого пути. Сведения эти, опирающиеся в своей жизнеописательной части на автобиографические материалы, имеют целью дать некоторое общее представление о физиономии писателя, чьи произведения в дальнейшем рекомендуются к чтению.

Эти рекомендуемые книги идут под рубрикой «Главные произведения». Здесь читатель найдет сжатый разбор идейного замысла и содержания наиболее ценных и выдающихся книг данного автора, а также краткую оценку их художественных достоинств и недостатков. Этот разбор отнюдь не претендует на то, чтобы заменить собой подробный критический анализ произведения. Он имеет целью только заранее привлечь внимание читателя к наиболее существенным моментам содержания произведения и вызвать интерес к нему.

Под рубрикой «См. также» указываются другие произведения данного автора, менее значительные, чем разобранное, и рекомендуемые к чтению, так сказать, во вторую очередь.

Далее следует «Критика»: перечень избранных критических статей и рецензий о разбираемом писателе и его произведениях.

В соответствии с общей установкой книги, охватывающей только современную—послеоктябрьскую—литературу, в ней рекомендуются и подвергаются разбору только те произведения, которые появились в печати в течение революционного десятилетия. Поэтому из произведений Горького, например, включены в книгу только «Мои университеты» и «Дело Артамоновых» и не вошла ни одна из до-революционных его вещей.

К книге приложен «Указатель главнейших пособий по современной русской художественной литературе», состоящий из 3-х разделов: 1) Биография и библиография; 2) Критика и 3) Учебные пособия. Для удобства читателя, который пожелал бы обратиться к перечисленным здесь книгам, указывается содержание каждой из них. Подробное библиографическое описание книг в этом указателе позволяет ограничиться одними названиями их в перечнях критической литературы, относящихся к отдельным авторам.

Несвободная от многих недостатков, обуславливаемых новизной задачи, предлагаемая книжка, надеемся, окажется все-же небесполезным подспорьем для первоначального ознакомления с современной художественной литературой. Предназначая ее в первую очередь для широких кругов читателей, интересующихся литературой, и для лиц, занимающихся самообразованием, автор считает, что она может быть использована и в школьном обиходе, а также в работе клубных литкружков и в повседневной практике наших библиотек.

I.
ПИСАТЕЛИ.

БАБЕЛЬ Исаак Эммануилович.

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1894 г. в Одессе на Молдаванке. Сын торговца-еврея. Учился в одесском коммерческом училище, потом в киевском коммерческом институте. В 1915 г. переехал в Петербург. Не имея правожительства, ютился там в погребе у одного официанта. Первые рассказы напечатаны в 1916 г. в журнале «Летопись» М. Горького, который принял живое участие в судьбе молодого писателя и был для него первым учителем. С 1917 года по 1924 г. в литературной деятельности Б. наступил перерыв: революция кидала писателя из стороны в сторону. За это время он был солдатом на румынском фронте, служил в Чека, в Наркомпросе, участвовал в продовольственных экспедициях 1918 г., был в северной армии против Юденича, в первой конной армии и т. д. В 1924 г. в журнале «Леф» и «Красная Новь» появились рассказы Бабеля из двух его основных циклов: «Конармия» и «Одесские рассказы». Эти рассказы сразу обратили на себя внимание читателей и критики и вызвали оживленную дискуссию. Отдельной книгой «Конармия» вышла только в 1926 г. «Одесские рассказы», изображающие быт одесских налетчиков и жизнь до-революционной Молдаванки, полностью еще не изданы; часть их напечатана в книгах «Рассказы» (ГИЗ., 1925), и «Рассказы» («Огонек», 1925). В 1926 г. появились также два автобиографических рассказа Б.: «История моей голубятни» и «Моя первая любовь». В 1927 г. Б. опубликовал свою новую пьесу «Закат». — Несмотря на то, что

вклад Б. в литературу количественно еще очень невелик, имя молодого писателя весьма популярно: самобытное и яркое дарование выдвинуло его в первые ряды современных русских художников слова. Общественные устремления и идеологический облик автора «Конармии» и «Одесских рассказов» до сих пор составляют предмет горячих споров. Большинство критиков сходятся однако на признании, что Б., как художник и человек, близок нашей революции, что школа конармии, которую он прошел в годы гражданской войны, крепко связала его с современностью и что он своими произведениями укрепляет, как выразился Воронский, «связь между Коммунистической партией и художественной литературой».

II. Главные произведения.

„КОНАРМИЯ“.

2-е изд. ГИЗ. М.-Л. 1927. Стр. 170.

В рассказах из жизни конармии, собранных в этой книге, читатель не найдет художественной летописи «трудов и дней» славной конницы Буденного. Книга представляет собой насквозь суб'ективный «человеческий документ»: это — глубокая и искренняя исповедь героя книги о переживаниях, раздумьях и впечатлениях, вынесенных им за годы гражданской войны в рядах конармии. Тщедушный «очкастый» интеллигент», кандидат прав петербургского университета, поэт и мечтатель, он пришел сюда, обремененный грузом книжной учености, интеллигентских предрассудков, беспочвенной романтики. И вот здесь с первых же шагов он столкнулся лицом к лицу с бушующей стихией жестокой и беспощадной борьбы, с обнаженной правдой «мстительных и испепеляющих» гражданских боев, с суровой солдатней, «пахнущей сырой кровью и человеческим прахом». Каждая страница книги

говорит о гнетущем одиночестве этого человека, о глубокой розни, отделяющей его от окружающих, о мучительном сознании их физического и морального превосходства над ним. Острые конфликты, беспрерывно возникающие между ним и его новыми товарищами (см. рассказы «Смерть Долгушова», «Эскадронный Трунов», «После боя»), не случайны: лихие бойцы буденновской армии, беззаветно «рубающие подлую шляхту», не могут простить слабодушия и мягкотелости этому человеку, который еще не вымолил себе у судьбы «простейшего из всех умений — умения убить». Однако, глухая борьба с окружающими не проходит для него бесследно: железный грохот боевой страды все больше заглушает в его душе то, что осталось в нем от его интеллигентского прошлого, проясняет его «смутные поэтические мозги», перевоспитывает и обновляет его. Внутренняя эволюция героя «Конармии» с особенной ясностью обнаруживается при его столкновениях с представителями старого уходящего мира («Гедали», «Рабби»). Несбыточному «Интернационалу добрых людей», о котором мечтает старый Гедали, он умеет уже со со всей решительностью противопоставить тот реальный исторический Интернационал, который «кушают с порохом и приправляют лучшей кровью».—Среда, в которую попал герой «Конармии», показана Б. с большой силой и яркостью. Критика справедливо указывает на некоторую односторонность этого изображения, на недостаточное выявление роли коммунистического руководства в конармии. Зато глубоко и верно прощупана Б. та крестьянская стихия, которая в боевых подвигах этой армии нашла выход своему веками копившемуся классовому гневу и стремлению к новой светлой жизни. То общее, что об'единяет всех персонажей бабелевской «Конармии» при всем их многообразии и пестроте, заключается в страстном и пламенном правдоискательстве, в тоске по «твердой правде без предела», вдохновляющей все их поступки, как бы порой ни бы-

ла жестока, дика и груба оболочка этих поступков («Соль», «Письмо»», «История одной лошади», «Прищепа», «Иваны», «Вдова», «Жизнеописание Павличенки».— В отношении языка, построения, обработки рассказы Б. являют непревзойденный в нашей современной литературе образец художественного мастерства. Изобразительные средства Б. (образы, эпитеты, сравнения и пр.) исключительны по яркости, смелости и разнообразию. По искусству кратко развертывать сюжет Б. не имеет равного среди теперешних писателей. Основной художественный прием Б.—контраст: спокойный, почти бесстрастный тон при описании трагических событий; торжественная приподнятость тона при передаче смешного и ничтожного и т. п.

См. также:

Рассказы. ГИЗ. М. 1925. Стр. 108.

История моей голубятни. Рассказы. ЗИФ. М.-Л. 1926. Стр. 80.

Король. Рассказы. Второе издание. ГИЗ. М.-Л. 1927. Стр. 125.

III. Критика.

Полонский В. — Критические заметки. Бабель. «Новый Мир». 1927. I.

Полянский В. — Вопросы современной критики. И. Бабель.

Воронский А. —Литературные типы. И. Бабель.

Лежнев И. — И. Бабель. «Конармия». «Печать и революция». 1926, VI.

Шкловский В. Бабель. «Леф». 1924. II.

Горбачев Г. — Два года литературной революции. Новеллы Бабеля.

Якубовский Г. — Искусство И. Бабеля. «Прожектор». 1925. № 19.

Бенни Я. — И. Бабель. «Печать и революция». 1924. III.

Буденный С. — Бабизм Бабеля из «Красной Нови». «Октябрь». 1924. III.

Вешнев В. — Поэзия бандитизма. «Молодая Гвардия». 1924. VII—VIII.

Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября д) Бабель.

Коган П. — Красная армия в нашей литературе. Бабель.

ВЕРЕСАЕВ Викентий Викентьевич.
(Смидович)

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1867 г. в Туле. Отец—по происхождению поляк—популярный врач и общественный деятель. Образование получил в тульской классической гимназии, петербургском университете (по историко-филологическому факультету) и юрьевском университете (по медицинскому ф-ту). По окончании курса работал ассистентом в петербургской барачной больнице им. Боткина. В 1901 г. уволен со службы и выслан на два года из столицы за политическую неблагонадежность. Провел эти два года в Туле, а после этого переселился в Москву. Во время японской войны полтора года пробыл на фронте в Манчжурии в качестве военного врача. По возвращении с фронта жил снова в Москве до революции, посвятив себя целиком литературной деятельности. В годы империалистической войны работал в качестве заведывающего железнодорожным санитарным отрядом в Москве. В 1917 г. был председателем художественно-просветительной комиссии при Московском Совете Рабочих Депутатов. С 1918 г. по 1921 г. прожил в Крыму, продолжая там общественную работу и подвергаясь репрессиям со стороны белогвардейцев. В 1921 г. возвратился в Москву и погрузился в разнообразную и интенсивную литературно-общественную деятельность. С 1925 г. состоит председателем Всероссийского союза писателей. В том же году был отпразднован 25-летний юбилей его литературной рабо-

ты. — Первое печатное произведение В. (стихи) появилось в журнале «Модный свет» в 1885 г. Потом В. помещал рассказы во «Всемирн. Иллюстрац.» и «Книжках Недели». Известность приобрел повестью «Без дороги», напечатанной в журнале «Русское Богатство» в 1894 г. Эта повесть—первая из серии произведений В., рисующих различные этапы из жизни нашей интеллигенции. В ней изображены пессимистические настроения, безверие и уныние, владевшие интеллигентным обществом в начале 90-х годов—в эпоху безвременья и реакции. В следующей из этой серии повести «Поветрие» (1897 г.), действие которой относится ко второй половине 90-х годов, та же интеллигенция рисуется уже «нашедшей дорогу и верящей в жизнь». Путеводной нитью для нее служит отныне марксизм, распространившийся у нас на почве нарождения организованного рабочего движения и успешно вытеснявший народничество. В повести «На повороте» (1902 г.) В. изображает процесс расслоения в среде марксистски-настроенной интеллигенции: экономизму и ревизионизму противопоставляется здесь последовательный революционный марксизм. Наконец, повесть «К жизни» (1908 г.) воспроизводит смену настроений в интеллигентном обществе, связанную с событиями 1905 года и наступившей после них реакцией: бодрость и под'ем, пробужденные раскатами революционного грома, уступают место разочарованности и упадочничеству, вызванным спадом революционной волны. Быту рабочего класса посвящена повесть В. «Два конца» (1899 г.), в которой на фоне общей картины угнетенного положения, беспросветной жизни, грубых нравов, темноты рисуется пробуждение рабочего самосознания. — Из небеллетрических произведений В. особенно известны две его книги: «На войне» и «Записки врача». В первой автор делится впечатлениями, вынесенными в Манчжурии во время японской войны, изображая правдивую картину жуткой и бессмысленной бойни, затеянной цар-

ским правительством во имя своих хищнических целей. Во второй книге, вызвавшей много шуму и споров, глубоко, смело и с беспощадной искренностью вскрываются теневые стороны медицинской профессии и отрицательные явления врачебной практики. Кроме перечисленных произведений, В. известен также, как автор интересных критических исследований о Достоевском, Толстом и Ницше («Живая жизнь»), и как прекрасный переводчик древне-греческих поэтов.—После революции В. написал роман «В тупике», составил крайне интересный и ценный свод биографических материалов о Пушкине — «Пушкин в жизни», напечатал несколько глав из воспоминаний детства, а также опубликовал ряд новых переводов эллинских поэтов и несколько журнальных статей на историко-литерат. и общественно-бытовые темы. — Критика окрестила В. — «Нестором русск. интеллигенции». И действительно, произведения этого писателя, начиная с «Без дороги» и кончая «В тупике», представляют собой как бы художественную летопись жизни нашего интеллигентного общества за тридцатилетний период. «Автор, будучи типичным интеллигентом, истинным сыном своего времени, умел глубоко заглянуть в душу своих героев, и эта мятущаяся душа с ее взлетами, с ее страстными поисками смысла жизни ярко запечатлелась на страницах его произведений» (Евгеньев—Максимов).

II. Главные произведения.

„В ТУПИКЕ“.

Роман. V изд. „Недра“. М. 1927. Стр. 237.

Действие романа происходит в Крыму в годы гражданской войны. Главные действующие лица—доктор Сартанов и его дочь Катя—типичные представители нашей меньшевистско-эсеровской умеренной интеллигенции. «Бескровную» февральскую революцию отец и дочь встретили восторженно, видя в ней осуществление всех

своих общественно-политических идеалов: торжество демократии, республиканства, политических свобод и т. д. Октябрьская революция принесла им жестокое разочарование: режим пролетарской диктатуры оттолкнул их «попранием» «священных» принципов демократии, а красный террор, которым республика трудящихся ответила на террор контр-революцион. буржуазии, «оскорбил» их моральные чувства. Неприятие Октября об'ективным ходом вещей отбросило обоих в лагерь контр-революции. Отец остается непримиримым врагом пролетарской власти и невольным приверженцем белогвардейцев вплоть до своей смерти. Дочь переживает мучительную внутреннюю борьбу: с одной стороны, она видит всю глубину разложения оголтелой белогвардейщины и чутьем догадывается о той правде, которую возвестили миру коммунисты; но, с другой стороны, она не может примириться с нарушением своего интеллигентского, шаблонно-отвлеченного представления об «идеальной» революции,—не может уяснить себе преходящего и наносного характера отрицательных явлений и теневых сторон революционной современности. Это и есть тот «тупик», в котором очутилась известная часть нашей интеллигенции, долгое время колебавшаяся между революцией и контр-революцией и игравшая половинчатую и двусмысленную роль в великой классовой борьбе наших дней. Именно к ней, к этой части интеллигенции, относится язвительный эпиграф из Данте, подобранный автором к своему роману: «они на бога не восстали, но и верны ему не пребывали. Небо их отринуло, и ад не принял серный, не видя чести для себя в таких». К концу романа Катя как будто бы начинает вырываться из цепких лап старой идеологии, сдает одну за другой свои прежние позиции, рвет нити, связывающие ее с прошлым.—Несмотря на свое стремление соблюсти полную об'ективность, В., разумеется, не сумел удержаться в позиции беспристрастного и нелицеприятного летописца. В романе сквозит явное сочув-

ствие автора своим героям-интеллигентам, желание их оправдать или во всяком случае смягчить приговор над ними. Этой цели он пытается достигнуть путем несколько сгущенного и подчеркнутого изображения теневых сторон революции, которые должны были, по его мнению, оттолкнуть его чувствительных и мягкосердечных героев. В этом, а не в социальной природе мелкобуржуазной демократической интеллигенции, чуждой подлинно-революционному образу мыслей, стремится он увидеть причину ее конфликта с рабочим классом и руководимой им революцией.—По своей форме «В тупике» представляет собою не столько роман в обычном смысле этого слова, сколько род литературного дневника, лишенного последовательно-развивающегося сюжета и содержащего в себе только хронологическую запись впечатлений и переживаний героев.

III. Критика.

Кранихфельд В. — История русской литературы XIX в. Изд. «Мир». т. V. В. Вересаев.

Львов-Рогачевский В. — Новейшая русская литература. Писатель-интеллигент Вересаев-Смидович.

Мещеряков Н. — Современники в новом романе Вересаева. «Печать и революция». 1922. VIII.

Полонский В. — Уходящая Русь. Интеллигенция и революция в романе В. В. Вересаева («В тупике»).

Воронский А. — На стыке. В тисках.

Войтоловский Л.— О Вересаеве. «Печать и революция». 1926. I.

Розанов И. — Вересаев. «Кр. Новь». 1925. X.

Благой Д. — Творческий путь Вересаева. «Журналист». 1925, XII.

Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейш. русск. литературы. II. Девяностые годы и начало 900-х годов. В. Вересаев. IV. Послеоктябрьский период. Художест. проза после Октября. г) «В тупике» Вересаева.

ГЛАДКОВ Федор Васильевич.

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1883 году в Саратовской губернии в семье крестьянина-бедняка. С 8-ми лет, покинув деревню вместе с родителями, скитался по рыболовным ватагам Волги и Каспия. В поисках работы отец переселился на жительство в город; двенадцатилетний Гладков пошел «по чужим людям», испытывая «всю горечь ребенка, попавшего в лапы хозяина». С 14-ти до 18-ти лет, когда отец был безработным, переживал голодную и бесприютную долю босяка. Несмотря на жестокую нужду, успел за эти годы пройти курс городского училища, много читал, пробовал свои силы в литературном творчестве. Первое печатное произведение—повесть «К свету» была помещена в «Кубанских Ведомостях» в начале 90-х годов. С 1902 года жил в Забайкальи, куда отец был сослан на каторгу; близко познакомился там с бытом и психологией каторжников и изобразил их жизнь в ряде рассказов, пользовавшихся популярностью среди читателей того времени. Возвращение в Россию совпало с годами революционного под'ема. Г. принимает участие в революционных кружках молодежи, становится активным социал-демократом. Спасается от ареста бегством в Забайкалье, но по прибытии туда был арестован и сослан в Верхоленский уезд. Три года ссылки были наполнены учебой и самообразовательной работой. По освобождении из ссылки уехал в Новороссийск и написал там повесть «Изгои», посвященную изображению жизни политических ссыльных.

В повести противопоставляются две группы ссыльных: интеллигенты и рабочие. Первые сгибаются под гнетом тяжелых испытаний, вторые проявляют исключительную моральную стойкость, выдержку и силу. На империалистическую войну Г. откликнулся рассказом «Пучина», в котором показана деревня, захваченная водоворотом новых событий. До 1917 года Г. учительствовал на Кубани.—С 1917 г. был на активной революционной работе и не имел возможности писать. В 1921 г. написал пьесу «Буреломом» на тему о роли интеллигенции в революции. В 1922 г. переселился на постоянное жительство в Москву и целиком посвятил себя литературному труду. В 1923 г. появилась в печати социальная драма Г. «Ватага», отразившая детские впечатления писателя о жизни рабочего люда на волжских и каспийских рыбных промыслах. Центральная идея пьесы — пробуждение революционного сознания в темной и придавленной гнетом эксплоатации рабочей массе. Следующее произведение Г. — большая повесть «Огненный конь» —рисует гражданскую войну на Кубани. Наряду с социально-бытовыми мотивами (классовое расслоение кубанского казачества, обострение социальной вражды между отдельными его слоями и пр.), значительное место в повести уделяется психологической теме—столкновению двух бывших друзей, разведенных гражданской войной по разные стороны баррикады. В 1925 году в журнале «Красная Новь» появляется самое крупное произведение Г. — роман «Цемент», с выходом которого Г. выдвигается в первые ряды пролетарских писателей современности. В 1927 г. в журнале «Новый Мир» печатаются новые повести Г. «Старая секретная и «Пьяное солнце».

II. Главные произведения.

„ЦЕМЕНТ".

Роман. Собрание сочинений. т. II. 5-е изд. „ЗИФ" М.-Л. 1927. Стр. 320.

Роман «Цемент» представляет собою одно из крупнейших достижений современной пролетарской художественной литературы и заслуженно пользуется таким огромным успехом в широких читательских массах, какого не имело за годы революции ни одно другое художественное произведение. Причина выдающегося успеха и популярности «Цемента» заключается, прежде всего, в остроте и важности разрабатываемых в нем тем, из которых главные—две: 1) возрождение промышленности и хозяйственное строительство страны, 2) перестройка бытового уклада и появление типа новой женщины.—Первая тема впервые в нашей послеоктябрьской художественной литературе поставлена в «Цементе» во всей ее широте и сложности. Роман дает яркую, захватывающую картину творческого под'ема, овладевшего рабочим классом после его победы над внешней и внутренней контр-революцией и выразившегося в упорной и героической борьбе за восстановление нашей промышленности и создание фундамента социалистического хозяйства. Рассказываемая Г. в «Цементе» история возрождения Новороссийского цементного завода, восстанавливаемого усилиями его рабочих в неимоверно тяжелых условиях разрухи, голода, бандитизма, как бы обобщает в художественной форме весь восстановительный период нашего хозяйственного строительства. Образ рабочего-коммуниста Глеба Чумалова, по инициативе и под руководством которого совершалось восстановление завода, вобрал в себя лучшие черты и особенности революционного авангарда нашего рабочего класса: силу воли, настойчивость, энергию, дисциплинированность, преданность рабочему делу, самоотверженный и без-

заветный героизм, готовность жертвовать личными чувствами во имя интересов своего класса и революции.— Вторая тема затрагивает область быта и семейных отношений. В образе Даши Чумаловой, жены Глеба, олицетворена та глубокая внутренняя перемена, которая произошла под влиянием революции в женщине-пролетарке, превратившейся из «домашней бабы», рабы своего мужа—в общественную работницу, в «свободную советскую гражданку». Когда Глеб возвращается с фронта, Даша с первого же момента дает ему понять, что прежней его власти над нею пришел конец, и только тогда возобновляет с ним близость, когда он обнаруживает искреннее желание подойти к ней «с другого боку», прощупать ее «человеческое нутро», оценить ее, как товарища по работе и борьбе. Однако, уход Даши от мужа в конце романа, равно, как и оставление ею на верную гибель в детдоме единственного ребенка, показывают нам, что она в своем стремлении освободиться от пут семейной жизни доходит до крайности и насилует свою природу, подавляя в себе инстинкты женщины и матери. В противовес Даше, автором выведена в романе Мотя Савчук, которая не знает никаких общественных интересов и довольствуется только ролью «богатой матери», готовой каждый год рожать ребят. Ни Даша, ни тем более Мотя не могут, очевидно, по мысли автора служить идеалом пролетарской женщины: этот идеал заключается в правильном сочетании общественного и личного начала, чего ни та, ни другая не умеют еще достигнуть. Но образ Даши показывает нам, насколько все-таки шагнула вперед наша работница по сравнению с дореволюционной жизнью, и как бы намечает, по какому пути пойдет ее дальнейшее развитие.—Многочисленные побочные темы романа также заслуживают внимания. Бюрократическое перерождение части провинциального партийного актива воплощено в образе предисполкома Бадьина, обрисованном резко противоречивыми чертами: с одной стороны,

это превосходный работник, талантливый и опытный администратор, искусный и уверенный руководитель массы; с другой стороны—бюрократ, окопавшийся в своем кабинете, пьяница, кутила, насильник. В лице Сергея Ивагина и Поли Меховой Г. намечает вопрос об интеллигентах в партии. Первый, бывший меньшевик и выходец из мелко-буржуазной интеллигентской среды, с мучительными усилиями старается преодолеть в своем сознании старый идеологический груз и психические навыки своего интеллигентского прошлого. В Поле Меховой воплощены типичные особенности той части партийцев, которые, в силу своего романтического подхода к революции, не уяснили значения нового ее этапа, ознаменовавшегося переходом к мирному строительству и новой экономической политике. Наконец, в истории инженера Клейста показан той глубокий сдвиг, который произошел в рядах нашей служилой интеллигенции и привел ее от саботажа к дружному и искреннему сотрудничеству с Советской властью.—Отдавая дань выдающимся достоинствам романа Г., с исключительной щиротой охватившего разнообразные стороны нашей революционной современности, критика отмечает в нем в тоже время ряд недостатков, как идеологического, так и формального характера. Первые заключаются в противоречивости и незаконченности обрисовки некоторых фигур романа (Даша, Бадьин) и отдельных его эпизодов (чистка партии), в пристрастии к изображению болезненных явлений психики (влияние Достоевского в сценах с предгубчека Чибисом, с Сергеем Ивагиным, его отцом и пр.) и т. д. Формальные недостатки романа: громоздкое и рыхлое построение, наличие ненужных вводных эпизодов, искусственность и вычурность языка и пр.—Общее впечатление от «Цемента» все же чрезвычайно большое и яркое. Написанный с силой, под'емом и увлечением, он заражает читателя бодрыми и радостными чувствами, пробуждает в нем энергию, зовет к труду и борьбе.

См. также:

Огненный конь. Собр. соч. т. I. 2-е изд. ЗИФ. М.-Л. 1927. Стр. 308.

III. Критика.

Коган П. — О Гладкове и «Цементе». «На литературном посту». 1926. I.

Коган П. — Красная армия в нашей литературе. Гладков.

Серафимович, А. — «Цемент». «Правда». 1926, от 16 февраля, № 38.

Горбачев, Г. — Два года литературной революции. Пролетарская художественная проза и наша современность.

Полянский В. — Вопросы современной критики. Ф. Гладков.

Якубовский Г. — Литерат. портреты. Ф. Гладков.

Буданцев С. — Гладков. «Цемент». «Звезда». 1925. V.

Лежнев А. — Литературные заметки. («Цемент», роман Гладкова). «Печать и революция». 1925. VII.

Гроссман-Рощин И. — Эпоха и люди (Ф. Гладков—«Цемент»). «Молодая Гвардия». 1926. IX.

Брик О. — Почему понравился «Цемент» Гладкова? «На литературном посту». 1926. II.

Вешнев В. — Критический салат Брика. «На литературном посту». 1926. III.

Кубиков И. — Рабочий класс в русской литературе. Гл. XXIII. Роман Гладкова «Цемент».

Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября. ж) Гладков.

Львов-Рогачевский В. — Очерки пролетарской литературы. Гладков.

ГОРЬКИЙ Максим.
(Алексей Максимович Пешков).

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1869 г. в Нижнем Новгороде. Отец,—сын николаевского солдата,—самостоятельно пробил себе дорогу и к 22 годам занимал должность управляющего астраханской конторы одного из волжских пароходств. Мать—мещанка, дочь разбогатевшего нижегородского красильщика. После смерти отца и вторичного замужества матери Г. был отдан на воспитание деду. Семи лет его послали учиться в школу. Но он занимался в ней только 5 месяцев и, прекратив учение по болезни, больше не возобновлял его. В это время умерла его мать, а дед разорился. Восьмилетнего Г. послали «в люди». Началась «пестрая и сложная» жизнь. Г. перепробовал неисчислимое множество профессий: был мальчиком в магазине обуви, учеником у чертежника, поваренком на пароходе, торговцем разных товаров, начиная от икон и кончая баварским квасом, железнодорожным сторожем, булочником, пильщиком дров, грузчиком и т. д. Терпел большую нужду, «случалось жить в трущобах», близко сошелся с «бывшими людьми». Несколько раз отправлялся путешествовать пешком по России,—исколесил ее вдоль и поперек. В 1892 г., живя в Тифлисе и работая в железнодорожных мастерских, напечатал в газете «Кавказ» свой первый рассказ «Макар Чудра». Вернувшись после этого на Поволжье, начал помещать небольшие рассказы в казанских и нижегородских газетах. В 1895 г. в «Русском Богатстве»

был напечатан рассказ «Челкаш», обративший на молодого писателя внимание читателей и критики. В 1898 г. выходит в свет два тома его рассказов, имевшие большой успех и разошедшиеся в небывалом количестве экземпляров. В том же году Г. начинает сотрудничать в марксистском журнале «Жизнь». Там появляются его романы «Фома Гордеев» и «Трое». В 1902 г. тридцатитрехлетний Г. был избран почетным академиком Академии Наук по разряду изящной словесности. Но это избрание было опротестовано правительством, вследствие политической неблагонадежности Г. Участие писателя в революционном движении началось еще в 1887 г., когда его привлекли к ответственности по делу казанской «конспиративной булочной». После этого его арестовывали по разным поводам в 1889, 1892, 1897 и 1901 г.г. В 1901 г. Г. примкнул к РСДРП. В 1905 г. Г. арестовывают по делу о 9-м января (за участие в делегации к министру внутренних дел и составление воззвания) и сажают в Петропавловскую крепость. Этот арест Горького вызвал большой шум за-границей: во всем мире устраивались манифестации, отовсюду посылались петиции к русскому правительству о помиловании писателя. После 17-го октября Г. создает большую газету с.-д. направления «Новая Жизнь», которую закрывают по ликвидации дней свободы. В 1906 г. Г. уезжает за-границу и проводит там энергичную кампанию против предоставления иностранными государствами денежного займа царскому правительству. После этого Г. уже нельзя было возвращаться на родину, и он остался за-границей, поселившись в Италии, на остр. Капри. Живя там, он все время поддерживает тесную связь с эмигрантскими революционными штабами, главным образом, с большевистскими. В 1909 г. он организует партийную школу для вызванных из России рабочих. Одновременно продолжается его литературная работа. В течение 1907—1913 г.г. он написал ряд крупных художественных произведений: «Мать», «Исповедь»,

«Лето», «Городок Окуров», «Матвей Кожемякин». В 1915 г. Г., благодаря амнистии, получает возможность вернуться в Россию. Во время империалистической войны он издает журнал «Летопись», в котором печатались его автобиографические повести «Детство» и «В людях». После февральской революции Г. издает «Новую Жизнь»—«самую левую газету, за исключением «Правды» (Луначарский). Октябрьские события вначале испугали Г., который увидел в них, с одной стороны, проявление мстительной жестокости масс, с другой стороны,—фантастическое экспериментаторство руководящей революционной верхушки («Несвоевременные мысли»). Но впоследствии Г. изменил свои суждения и стал работать с Советской властью. В 1918 г. он стоит во главе комиссии по улучшению быта ученых и основывает издательство «Всемирная литература». В 1921 г. болезнь заставляет Г. уехать за-границу и снова поселиться в Италии. На этот раз он избрал местом жительства—Сорренто. За годы революции им написано много новых произведений: «Мои университеты», «Автобиографические рассказы», «Заметки из дневника», «Рассказы. 1922—1924 г.г.», пьеса «Фальшивая монета», роман «Дело Артамоновых». Последнее произведение Г.—большой роман «Жизнь Клима Самгина» («Сорок лет»).—Тридцатипятилетний творческий путь Г.— весьма своеобразен, богат и сложен. Вступив в нашу литературу в годы «сумерек», Г. неожиданно внес в нее новые боевые и мажорные ноты. Его первые рассказы о босяках были ярким гимном гордой и свободной человеческой личности, бросающей дерзкий вызов мещански-ограниченной, трусливой и мелкой обывательщине. Завершением этого этапа его творчества является пьеса «На дне», изображающая тот же мир «бывших людей» и проникнутая тем же духом анархо-индивидуалистического протеста. Однако, увлечение босяками не было долговременным у Г.,—он скоро разочаровался в них и стал искать положительных типов—носителей революционного протеста

и глашатаев новых общественных идеалов—в другой социальной среде. После ряда неудачных попыток отыскать таких людей среди купечества, мещанства, интеллигенции («Фома Гордеев», «Трое» и др.) Г. обращается к пролетариату, убедившись, что только этот класс является той социальной силой, которая способна на коренное переустройство общества. В повести «Мать», пользующейся огромной популярностью среди русских, а также и среди заграничных рабочих, он дал романтически-приподнятое изображение нашего фабрично-заводского быта и революционного рабочего движения. Далее, идет период увлечений Г. «богоискательством», «богостроительством» и т. п.: разочарованию и отчаянию, охватившим наше общество после поражения революции 1905 г., Г. пытается противопоставить веру в чудодейственную силу коллектива, в творческую мощь «народушки бессмертного», обожествляемого с каким-то исступленным фанатизмом. («Исповедь»). «Городок Окуров» и «Матвей Кожемякин» открывают новую главу в творчестве Г., знаменующую отказ от декларативности и проповедничества и переход к эпически-спокойному, широкому и свободному художественному бытописанию. Огромный запас житейских впечатлений и воспоминаний дал возможность Г. создать целую эпопею уездной «окуровской» России. На этот раз получилась вполне реалистическая и ничем не прикрашенная картина «звериного быта» русской провинции: окуровское царство, исполненное «сонной обломовщины, темной азиатчины, бессмысленной жестокости». К этим же произведениям тесно примыкают автобиографические повести «Детство» и «В людях», продолжающие и углубляющую художественную летопись старорусской исконной народной жизни, а также и большинство послереволюционных произведений Г. — Богатство социально-бытового, психологического и идейного содержания творчества Г., наряду с огромной силой его художественно-изобразительного дара, ставят его на исключительное место не только в

русской, но и всемирной литературе современности. По общему признанию, Г.—самый любимый и популярный автор нашей рабочей читательской массы. Точно также общеустановленным является огромное и плодотворное влияние его на наши молодые литературные силы. Велика и та роль, которую Г. сыграл в истории нашей революционной общественности, явившись с первых же шагов своей литературной деятельности провозвестником грядущих политических и социальных потрясений и чутко отражая все этапы освободительной борьбы рабочего класса на остальном протяжении своего творческого пути.

II. Главные произведения.

„МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ".

Собр соч. т. XVI. ГИЗ Л. 1927. Стр 384

(Мои университеты Сторож. Время Короленко О вреде философии О первой любви Короленко Каронин-Петропавловский Чехов Лев Толстой. Коцюбинский Л Андреев)

Все произведения, вошедшие в эту книгу, носят мемуарно-автобиографический характер. Книга представляет двоякий интерес: с одной стороны, она показывает, «как складывалась личность писателя-художника и общественника»; с другой стороны, в ней предстает перед читателем огромная галлерея разнородных и своеобразных типов русских людей, с которыми сталкивался автор на протяжении своей богатой и пестрой жизни. История внутреннего развития молодого Г., его философских исканий, мучительных попыток найти ответы на «проклятые вопросы» с большой яркостью отражена в этих автобиографических очерках. Два вековечных и неустранимых противоречия подрывают, по мысли Г., основы нашей жизни. Первое из них носит всемирно-исторический характер: это—противоречие между человеком и миром (космосом), который представляется писателю «хаосом мрачной разобщенности», вместилищем

враждебных и коварных сил, предостерегающих нас на каждом шагу. Второе противоречие присуще больше всего нашей русской жизни: это—разобщенность между главными творческими силами—интеллигенцией, революционерами и народной стихией. «На одной стороне бессмысленно и безысходно мечется сила инстинкта, на другой—бьется обескрыленной птицей разум». Г. одинаково неуверен ни в победе человека над враждебной ему природой, ни в слиянии культурного и разумного начала с народной стихией. Сомнения и колебания не перестают волновать душу писателя и придают особенно острый и напряженный характер его художественной исповеди.—В соответствии со своими философскими взглядами, Г. подразделяет всех выводимых им людей на три главные категории. На одном полюсе—окуровцы, «близоруко-хитрые своекорыстные мужички», «тупые жуликоватые мещане», «волосатые, крепкие купцы, неторопливо налаживающие сытую, законно-зверячью жизнь». На другом полюсе—неугомонные, буйные, полные жизни и сил, талантливые и яркие люди, которые под влиянием гнетущих условий быта превращаются в озорников и чудаков. Между теми и другими—тонкая прослойка передовых, культурных и общественно-полезных людей, носителей «разумного, деятельного и преобразующего начала в жизни». К окуровцам Г. питает неистребимое отвращение. К интеллигенции он относится с уважением, но в глубине души ему претит подчас ее неискренность, узость и пресность. «Жизнь хороших, умных интеллигентов казалось мне скучной, бесцветной»,—говорит он в одном месте книги, а в другом месте добавляет: «я чувствую полное бессилие нарисовать словами фигуры близоруких книжников в очках и пенсне, в брюках на-выпуск, в разнообразных пиджаках и однообразно-пестрых мантиях книжных слов». «Зато все симпатии его сердца склоняются» к дикарям, к пламенной, полновесной и буйной игре их истинктов». «Г. прекрасно чувствует их плоть и кровь, умеет пере-

воплощаться в них». (Воронский). Самые яркие фигуры в его книге—это фигуры таких «дикарей», озорников и чудаков. — Сказанное относится и к той части книги которая посвящена воспоминаниям о выдающихся современниках Г. Образы Короленко, Каронина, Коцюбинского, Чехова тускнеют перед необыкновенным по своей скульптурной выразительности образом Льва Толстого. которого Г. тоже изобразил, в противоположность обычному представлению о нем, гениальным озорником и язычником.—В художествен. отношении книга Г. стоит на большой высоте. Многие страницы написаны с исключительной силой. Отдельные портреты и сцены превосходны в своей чеканной законченности. Словесное мастерство местами достигает почти классического совершенства. Зрелый и самобытный художник, каким является Г. в наши дни, встает здесь перед читателем во весь свой рост.

„ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ".

Роман. Собр соч. т XII. 2-е изд ГИЗ М-Л 1927. Стр. 259

От небольших заметок, очерков, воспоминаний и листков из дневника, в которых проявлялось литературное творчество Г. в последние годы, он снова обратился к обширному полотну социально-бытового романа. «Дело Артамановых»—это история вырождения трех поколений русского купеческого рода. Роман охватывает время с 60-х годов прошлого столетия до революции. Самый яркий и законченный образ в романе—родоначальник купеческой династии—Илья Артамонов. Первобытной звериной мощью веет от исполинской фигуры этого типичного представителя «героического», завоевательного периода российского промышленного капитализма. Глубочайшими своими корнями Илья связан еще с крепостной деревней; комья чернозема еще не отстали от подошвы его сапог; смолистый дух дремучих лесов еще не выветрился из складок его поддевки. Но

ему уже тесно в узких рамках деревенского хозяйственного обихода. Неуемная тяга к богатству, жадное стремление к капиталу властно толкают его в город, влекут все к новым и новым приобретениям, расширениям и захватам. Удача и счастье сопутствуют дерзкому завоевателю и наполняют его еще большей энергией, силой и верой в свою звезду. Упоенный своими успехами, могуществом и богатством, он сам любуется на себя и заставляет любоваться и всех окружающих,—даже своих врагов и завистников. Под личиною солидного, степенного и богобоязненного купца в Илье Артамонове ключом кипит буйный задор и озорство вчерашнего дикаря. Поучая детей в духе строгой старозаветной морали, он сам в сокровенных глубинах своей души мало верит в нерушимую силу нравственных устоев. С полным равнодушием и уверенностью в своей правоте преступает он границы «дозволенного», если они стесняют его аппетиты и мешают его планам. Поджог, убийство, греховное сожительство с тещей сына не в состоянии нарушить душевный покой этого человека. Но автор лишь мимоходом заглядывает в жуткие потемки его души, невольно и сам покоренный грубой силищей, ширью и размахом этой своеобразной и колоритной фигуры пионера капитализма.—Представитель второго поколения семьи Артамоновых, Петр, унаследовал от отца физическую силу, но совершенно утратил его душевное здоровье и цельность натуры. В противоположность отцу, который, как будто, был вылит из одного куска, он весь состоит из противоречий. В своей купеческой среде он — чужак и отщепенец. Его тяготит вечная скука, и он топит ее в разгуле, вине, распутстве. Подобно «подпольным людям» Достоевского, он находит своеобразное наслаждение в самомучительстве. Власть темного, иррационального настолько велика в его душе, что он не в состоянии ей противиться даже и тогда, когда она влечет его к преступлению. Третье поколение представлено вылощенными фабрикан-

том Мироном, хищником европейского покроя; совершенно ничтожным, развращенным, дегенеративным Яковом и единственным уцелевшим от вырождения членом семьи, большевиком Ильей. Рисуя в своем романе жизнь промышлен. и купеческ. среды, Г. попутно изображает также и фабричный быт—жизнь тех рабочих, чет труд служил источником обогащения семейства Артамоновых. Сверстником Ильи Артомонова был ткач Морозов, тордившийся тем, что целое поколение его работает на хозяйской фабрике; сверстником же Якова является потомок этого ткача, Захарка Морозов, активно участвующий в революции, которая лишила хозяев власти над фабриками и рабочими.—Художеств. ценность романа, несомненно, очень значительна. Уверенное и зрелое мастерство Г. проявилось во многих местах с большим блеском. С мудрой уравновешенностью и почти эпической монументальностью воссоздает художник красочные бытовые картины, лепит яркие и рельефные фигуры, развертывает разнообразную и длинную цепь больших и малых событий. Обобщенность и широту размаха он умело сочетает с любовной и тщательной отделкой деталей. Простота, ясность и безыскусственность языка уживаются с редким богатством, разнообразием и яркостью словесных красок. Особенно удалось автору начало романа—главы, посвященные Илье Артамонову.

См. также:

Заметки из дневника. Собр. соч. т. XVII. ГИЗ. М.-Л. Стр. 213.

Рассказы. 1922—1924 г.г. Собр. соч. т. XVIII. ГИЗ. М.-Л. 1925. Стр. 308.

Жизнь Клима Самгина. Роман.

III. Критика.

Воровский В. — Литературные очерки. Изд. «Новая Москва». 1923. Максим Горький. Еще о Горьком. Две матери.

Луначарский А. — Литературные силуэты. ГИЗ. М.-Л. 1925. Максим Горький.

Андреевич (Е. Соловьев) — Книга о Горьком и Чехове. 1900 г.

Неведомский М. — Максим Горький. История русской литературы XIX века. Изд. «Мир». Т. V.

Львов-Рогачевский В. — Максим Горький. Русская литература XX века. Изд. «Мир». Т. I.

Львов-Рогачевский В. — Новейшая русская литература. Буревестник.

Горбачев Г. — Капитализм и русская литература. ГИЗ. Л. 1925. Романтизм эпохи капиталистического под'ема и Максим Горький.

Григорьев Р. — М. Горький. Критико-биографическая серия. ГИЗ. М. 1925.

Эрде. — Максим Горький и интеллигенция. Изд. 9-е Января». М. 1923.

Груздев И. — Максим Горький. Изд. «Кубуч». Л. 1925.

Кубиков И. — Рабочий класс в русской литературе. Гл. XVI.

Воронский А. — О Горьком. «Красная Новь». 1926. IV.

Войтоловский Л. — Новые вещи Горького. «Новый Мир». 1926. IV.

Локс К. — Старый и новый Горький. «Печать и революция». 1926. III.

Лежнев А. — Вопросы литературы и критики. Последние произведения М. Горького.

Полякова М. — М. Горький. «Дело Артамоновых». «Печать и революция». V.

Евгеньев-Максимов.—Очерк истории новейш. русской литературы. II. Девяностые годы и начало 900-х. Максим Горький.

ИВАНОВ Всеволод Вячеславович.

I Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1895 г. в поселке Лебяжьем, Семипалатинской области. Отец—незаконорожденный сын туркестанского генерал-губернатора—был сперва приисковым рабочим, потом самоучкой сдал на сельского учителя. Мать—казачка с примесью киргизской крови. Учился И. сперва в сельской школе, потом полгода в сельско-хозяйственной. С 14-ти летнего возраста начал бродяжничать. Испытал множество профессий: был типографским наборщиком, матросом, клоуном, факиром, шарманщиком, балаганным актером, цирковым куплетистом, борцом. С 1917 года принимал участие в революции, работая в различных советских, профессиональных и общественных организациях. Был красногвардейцем, защищал Омск от наступающих чехов. После падения Омска бежал в степь и всю колчаковщину скитался от Урала до Читы. Два раза был под угрозой расстрела: один раз хотели расстрелять партизаны, другой — ново-николаевская чека — по недоразумению. После освобождения Сибири от белогвардейцев работал некоторое время в Омске, оттуда с помощью М. Горького перебрался в конце 1920 г. в Ленинград. Вначале очень здесь нуждался, едва не умер с голоду. Выручил тот же Горький, помогший И. вступить на литературную дорогу.—Писать И. начал еще в 1915 г., но печатал мало. Юность, проведенная в скитаниях, полная приключений и невзгод, в особенности же переживания последнего времени—годов гражданской вой-

ны—дали И. огромный запас наблюдений и впечатлений, наделили его богатым жизненным опытом, снабдили драгоценным материалом для художественного творчества. В 1921 г. И. напечатал в журнале «Красная Новь» повесть «Партизаны» и «Алтайские сказки». В следующем году появились повести «Бронепоезд № 1469» и «Цветные ветра» и роман «Голубые пески». За ними последовали многочисленные повести и рассказы, составившие содержание ряда сборников. Темою большинства этих произведений является гражданская война в Сибири, борьба сибирской партизанщины с Колчаком и интервентами. Своеобразие изображаемого быта, специфичность условий, в которых жила и боролась за свое освобождение далекая окраина, населенная полудикими инородческими племенами, придают произведениям И. оригинальную экзотическую окраску. Несмотря на «тяжкую, кровавую тему», тон этих произведений—бодрый, радостный, жизнеприемлющий, исполненный глубокого и здорового оптимизма. Все эти особенности заставили критику увидеть в И. ученика М. Горького и Д. Лондона.—Из более поздних произведений И. особенно выделилась его повесть «Хабу». Это—«героическая баллада» о коммунисте Лейзерове, тощем минском евреее в роговых очках, маленьком, слабом, почти смешном человечке, который сумел проложить в глухом углу Сибири «пролетный путь» через горы, тайгу и болота и благодаря этому необычайно поднять экономическую жизнь заброшенного края.—В последнее время в творчестве И. наметился сдвиг в сторону углубленного внимания к сокровенным психологическим пружинам, управляющим поведением человека, к тем изначальным биологическим законам, которые, по мнению И., часто торжествуют над его сложной духовной надстройкой. Этим глубоким «вечным» темам посвящена его последняя книга «Тайное тайных» (1927), обнаруживающая значительный художественный рост писателя, но в то же время свидетельствующая об утрате им некоторой

доли прежнего оптимизма и жизнерадостности и об отходе от центральных тем политической и общественной жизни наших дней.

II. Главные произведения.

„СОПКИ"

Партизанские повести

Изд. второе ГИЗ М.-Л. 1927 Стр 328

(Бронепоезд № 14-69. Партизаны Цветные ветра)

Три повести, составляющие содержание этой книги и являющиеся наиболее популярными произведениями И., тесно об'единены общностью тематики, материала, идейного замысла и настроения. Все они изображают жестокую борьбу героических сибирских партизан с колчаковскими войсками. Картины этой борьбы развертываются среди суровой и дикой природы сибирских лесов, гор и степей, дышащей первобытной мощью. Эти горы, степи, леса и реки выступают в повестях И. «полные цветов, буйной жизни, зовут и манят к себе своей звериной красотой и пестротой красок» (Воронский). Таким-же могучим здоровьем, той-же дикой непреоборимой силой наделены и герои И. — партизаны, сибирские мужики, чалдоны, казаки, киргизы. Все они похожи «на выкорчеванные пни,—черные, пахнущие землей и какими-то влажными соками». Они напоены до краев властью земли. Они, прежде всего,—мужики, хлеборобы. Им «робить охота». «Толчак», атамановцы, чехи, поляки, американцы, японцы не дают «робить», врываются в трудовую жизнь, тревожат, беспокоят, бесчинствуют, грабят, насилуют, расстреливают. И вот чаша мужицкого терпения переполнилась. В великом гневе и злобе поднимается крестьянская масса против грабителей и насильников. Могучий поток партизанского движения разливается по всей Сибири от Урала до Монголии. Земля, которую мужики орошали до сих пор только своим

трудовым потом, обильно поливается теперь их кровью.— Борьба сибирских партизан против интервентов, как ее изображает И., ярко окрашена в националистические тона. Они—за «Рассею», за «хрестьян», за «православных», против иноземцев. Но этот мужицкий национализм совсем не сродни «патриотизму» белогвардейцев, которые с помощью чузеземных империалистов мечтали воссоздать «единую и неделимую» Россию. Корни этого национализма—в тяге к земле, к пашне, к мирному и свободному труду на ней. Это основное и исконное стремление мужика, нагло попираемое белогвардейцами, было поддержано и подхвачено большевиками, которые сумели связать с ним свой интернационализм. Стихийное и разбросанное движение крестьянской массы получило таким путем руководство и организационную помощь в лице городского пролетария-большевика.—Образы сибирских мужиков-партизан (Селезнев, Соломиных, Вершинин, Каллистрат) великолепно удались И. в его повестях. Он рисует их без подкрашивания и подслащивания, не скрывая их жестокости, дикости, жадности, ограниченности кругозора. В то же время он умеет согреть свое изображение какой то особенной теплотой и человечностью, смягчить его добродушием и юмором. Это—потому, что И. пишет о мужиках не со стороны, а как свой, потому что он кровно связан с ними, сам—плоть от плоти этой мужицкой массы. Достаточно убедительными получились у И. и фигуры городских большевиков (Пеклеванов, Никитин, Васька Окорок). Все они—люди большой энергии, силы, революционной закалки. Под суровой внешностью спрятана у них ласковость и «ухмылка», и где то глубоко «хлещет радость». Без особенного труда находят они контакт с мужиками-партизанами. Ледок недоверия и сомнений со стороны последних быстро тает в атмосфере сочувствия, понимания, общности интересов. Мужики с уважением, а подчас и с любовью относятся к тем, кто из далекого города пришел помочь им в

тяжелой борьбе и братски делит с ними все ее суровые испытания. Бледнее получается у И. изображение враждебного белогвардейского лагеря (начальник бронепоезда Незеласов, прапорщик Обаб и др.). Это происходит потому, что его представителей он знает гораздо меньше, и они далеки от него по своему психическому складу.—Несмотря на ряд недостатков, присущих ранним произведениям И. (растянутость, небрежность формы, однообразие художественных приемов, «захлебывающаяся лиричность», цветистость стиля и т. п.), партизанские повести. И. заняли видное место в нашей послереволюционной литературе. Самобытный мир сибирской партизанщины впервые нашел в них художественно-правдивое, яркое и широкое отражение.

См. также:

Седьмой берег. Рассказы. «Круг». М.—Л. 1923. Стр. 227.

Голубые пески. Роман. «Круг». М. 1925 Стр. 321.

Хабу. Повесть «Моск. Рабоч.». М. 1925. Стр. 109.

Гафир и Мариам. Рассказы. «Круг». М. 1926. Стр. 254.

Тайное тайных. Рассказы. 2-е изд. ГИЗ. М.-Л. 1927. Стр. 192.

III. Критика.

Воронский А. — На стыке. Лит. силуэты. Вс. Иванов.

Воронский А. — Литературные типы. Всеволод Иванов.

Троцкий Л. — Литература и революция. Ч. I. Гл. 2. Вс. Иванов.

Коган П. — Литература этих лет. VII-ая глава.

Коган П. — Красная армия в нашей литературе. Всеволод Иванов.

Львов-Рогачевский В. — Новейшая русская литература. Вс. Иванов.

Правдухин В. — Литературная современность. Гл. гл. III и V.

Лежнев А. — Литерат. заметки. В. Иванов. «Хабу». «Печать и револ.» 1925. IV.

Машбиц-Веров И. — В. Иванов. «Сопки». «Новый Мир». 1925. V.

Якубовский Г. — Вс. Иванов. Очерк. «Красная Новь». 1925. VIII.

Белинький Н. — В. Иванов. «Тайное тайных». «Звезда». 1927. III.

Пакентрейгер С. — По следам зверя (Вс. Иванов). «Печать и революция». 1927. III.

Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября. в) Всеволод Иванов.

ЛЕОНОВ Леонид Михайлович.

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1899 г. в Москве. Сын крестьянского поэта — самоучки. Образование получил в московской гимназии. Во время гражданской войны был в Красной армии. Печататься начал в 1922 г. (первый рассказ «Бурыга» был помещен в альманахе «Шиповник»). В 1923 г. появилась повесть Л. «Петушихинский пролом», в 1924 г.—«Записки Ковякина» и «Конец мелкого человека». Основная тема этих произведений Л.—тема «пролома», разрушительной и болезненной ломки старой жизни, под развалинами которой в смертных муках корчатся и извиваются зверушечьи, малые сердца «мелких людей». Трагедия мелкого человека, раздавленного жерновами великих событий, варьируется здесь на разные лады. В «Петушихинском проломе» изображается вторжение революции в тихую Петушиху с ее пафнутьевым монастырем, попами и игуменами, со всей ее несложной, патриархальной, богобоязненной жизнью. Эта повесть, обилием лирики напоминающая поэму в прозе, является как бы отходной по умирающему быту и обреченным людям, гибель которых вызывает невольную боль и грусть в душе автора. В «Записках Ковякина»—перед нами рутинная, застойная среда уездной обывательщины. Герой повести—смешной, карикатурный человек, наивный, тупой и ограниченный, понял с приходом революции, что и он, и его город произошли «от сырости», а «сырость—от скуки», и узрев вокруг себя одну зияющую пустоту, исчез из родного

Гогулева неизвестно куда. «Конец мелкого человека» рисует вырождение той части интеллигенции, которая когда то задавала тон культурной жизни страны, а после революции опустилась на самое дно физического и духовного разложения. «Они отреклись от всего человеческого и с каким то чудовищно-омерзительным садизмом предаются разгулу оплевания в своем зловонном подполье» (Войтоловский). Все эти произведения, с несомненностью свидетельствуя о художествен. даровании своего автора, в то же время носили явные следы подражательности (влияние Гоголя, Достоевского, Щедрина, Лескова) и были несвободны от ряда идеологических уклонов.—На дорогу самостоятельного и зрелого художественного творчества Л. вышел только с появлением «Барсуков»—большого романа из жизни деревни времен гражданской войны, напечатанного в 1925 г. и сразу создавшего своему автору крупное литературное имя. В 1927 г. в журнале «Красная Новь» помещен новый роман Л. «Вор».

II. Главные произведения.

„БАРСУКИ“.

Роман 4-е изд. ГИЗ. М.-Л. 1927. Стр 368

Роман распадается на 2 части. Первая часть, представляющая собою как бы пролог, изображает дореволюционное Московское Зарядье. Сюда, в гущу жестокого, грубого и жадного старокупеческого быта, попадают из деревни два брата—подростка Семен и Паша. Здесь, в котле большого города, в атмосфере хозяйского деспотизма, приказчичьего подхалимства, в затхлой и душной атмосфере прилавка и трактира проходят их отроческие годы. Однако, пути братьев скоро расходятся. Паша уходит на завод, Семен остается в Зарядьи.— Вторая часть романа переносит нас в деревню революционного времени. Недоразумения и случайности, со-

провождающие сбор продналога, несправедливое разрешение уездными властями старинного спора двух соседних деревень из-за луга вызывают восстание крестьян против Советской власти. Бунтующие мужики уходят в лесную глушь, к дезертирам, в бандитское подполье, живут в барсучьих норах, совершают время от времени налеты на деревни, громят в них советские учреждения, дерутся, убивают, уводят заложников и лошадей. Состав «барсуков»—самый разнообразный. Среди них есть мстительные кулаки, жадные богатеи, буйные смельчаки—жиганы, гордые и упрямые правдоискатели. Идейный вождь восстания, предводитель «барсуков»—знакомый нам Семен. Он дышит неукротимой ненавистью к городу, рассматривая, как гибельную и враждебную силу, городское влияние, вторгающееся в жизнь деревни. Революционная и организующая стихия города воплощена в образе его старшего брата Паши (Антона), прошедшего заводскую выучку, ставшего настоящим городским пролетарием и возглавляющего сейчас борьбу с деревенской зеленой партизанщиной. Яркие картины этой борьбы составляют главное содержание романа. Ночные совещания «барсуков» в таинственной темноте лесной глуши, внезапные дерзкие налеты на окрестные деревни, бегство Жибанды и Насти и погоня за ними, крестьянский бунт в Ворах—эти и многие другие сцены написаны с захватывающей силой и неизгладимо врезываются в память читателя. Прекрасно показана автором беспомощность, неорганизованность, а потому и обреченность деревенского бунта. «Все равно к нам придете,—говорит Антон Семену: без нас деревне дороги нету, сам увидишь. И ты не мной осужон... ты самой жизнью осужон». Разложение «барсуков» и сдача их получается в романе без всякой натяжки, как естественный и неизбежный результат всего их движения.—Острая и ответственная тема взаимоотношений между деревней и городом в первые годы революции, конфликтов между крестьянством и совет-

ской властью поставлена Л. в его романе с полной откровенностью, во всей широте и разработана с большим тактом, без шаблонного оптимизма, но и без обывательского злорадства. «Роман дает богатейший материал для социально-политического анализа зеленого антисоветского крестьянского движения» (Воронский). Быт революционной деревни, настроения ее различных социальных слоев, ее люди нашли себе в романе яркое и верное художественное отражение. К минусам произведения следует отнести недостаточную связь между первой и второй частью романа, создающую провал в изображении внутреннего развития главных героев; общую рыхлость построения; отвлеченность и схематизм образа Семена во второй части романа; малоубедительную и ходульную фигуру Насти, сделанную по образцу героини Достоевского и т. п. Однако, достоинства с несомненностью перевешивают в «Барсуках» недостатки. «Перед нами оригинальное, сильное, здоровое произведение широкого размаха и крупных художественных обобщений». (Лежнев).

См. также.

Петушихинский пролом. Из-во М. и С. Сабашниковых. М. 1923. Стр. 86.

Конец мелкого человека. Из-во М. и С. Сабашниковых. М. 1924. Стр. 168.

Рассказы. Из-во «Круг». 1925. Стр. 169.

III. Критика.

Воронский А. — Литературные типы. Леонид Леонов.

Лежнев А. — Вопросы литературы и критики. «Барсуки» Л. Леонова.

Войтоловский Л. — Л. Леонов. «Звезда». 1926. III.

Машбиц-Веров И. — Л. Леонов. «Барсуки». «Новый мир». 1925. X.

Колесникова Г. — Л. Леонов. «Барсуки». «Октябрь». 1925. IX.

Ермилов В. — Проблема живого человека в современной литературе и «Вор» Леонова. «На литературном посту». 1927. V—VI.

Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября. г) Леонов.

ЛИБЕДИНСКИЙ Юрий Николаевич.

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1898 г. в Одессе в семье врача. Трех лет был увезен на Урал (Миасский завод). В 1918 г. окончил реальное училище в Челябинске. В том же году в течение трех месяцев служил рядовым в Красной Гвардии. Попал в колчаковский тыл и там связался с организацией коммунистов. Был арестован колчаковцами, избит и эвакуирован в Ново-Николаевск. В 1919 г., после перехода Ново-Николаевска в руки красных, Л. вступил в ряды Красной армии и служил в ней до 1923 г. В 1920 г. Л. вошел в партию. В армии он вел политическую работу.—Писать начал с 14-ти лет. Первое печатное произведение—повесть «Неделя»—появилось в 1921 г. в альманахе «Наши дни». В 1923 г. в журнале «Молодая Гвардия» была напечатана повесть «Завтра». В 1925 г. появилась новая большая повесть Л.—«Комиссары».—Л. состоит генеральным секретарем ВАППА'а (Всесоюзн. Ассоц. Пролетарских Писателей). Своими произведениями Л. внес заметный вклад в нашу послереволюционную литературу. Главная заслуга их автора заключается в правдивом и верном изображении коммунистической среды, которая ему хорошо знакома и близка.

II. Главные произведения.

„НЕДЕЛЯ".

Повесть 3-е изд. „Труд и книга" М. 1926 Стр 96.

Повесть изображает жизнь маленького провинциального городка в период голода, продразверстки, кулац-

ких восстаний, белогвардейских заговоров. Коммунисты и преданные им рабочие — маленький островок, окруженный со всех сторон враждебной стихией злобствующей обывательщины и раздраженного крестьянства. С огромным трудом борются коммунисты с голодом и разрухой, героические усилия прилагают они к тому, чтобы удержать хозяйство от полного развала. Необходимость своевременно снабдить крестьян зерном для посева заставляет мобилизовать все силы, в том числе и красноармейские части, на заготовку дров, нужных для перевозки этого зерна. Белогвардейцы, поддерживаемые кулаками, используют момент вывода из города красноармейцев и организуют восстание против советской власти. Многие коммунисты гибнут жертвами белого террора, пока кучка железнодорожных рабочих вместе с подоспевшим гарнизоном ликвидировали восстание.—Главная задача повести показать красоту «героизма, не сознающего себя героизмом». Беззаветная преданность революции и готовность самоотверженного служения ей окрашивают всю жизнь и все поступки этих Климиных, Горных, Робейко, Симковых и Стальмаховых. Так же просто и спокойно принимают они мучения и смерть на своем боевом посту, как просто, спокойно и деловито вели они изо дня в день свою тяжелую, неблагодарную, будничную работу. Их гибель не остановит общего дела: оно будет доведено до конца их преемниками, такими же стойкими и беззаветными революционерами, которые справятся и со своей «нагрузкой» и с той, какая осталась от выбывших из строя товарищей.—Л. не ограничивается, однако, в своей повести изображением одних только положительных типов коммунистов-пролетариев: наряду с ними, рисует он и образ романтически-настроенного интеллигента—выходца из буржуазной семьи Мартынова, и надломленного чекиста Сурикова, и невежественного, но самоуверенного краснобая—директора завода, и примазавшегося обывателя Матусенко.—Написанная с искренним

увлечением, с большой наблюдательностью и хорошим знанием изображаемой среды, повесть Л. была его литературным дебютом и в то же время явилась вообще одной из первых попыток в нашей литературе реалистического показа революционного быта. Это обусловило неизбежность некоторых художественных дефектов в ней. К ним следует отнести: слабость построения, бледность и однообразие языка, упрощенную и поверхностную обрисовку образов и пр. Сознавая все эти недостатки, критика все же приветствовала «Неделю», как «первую ласточку» нарождающейся революционной литературы, идеологически и художественно близкой рабочему классу и рисующей революционный быт не извне, не со стороны, а изнутри.

„КОМИССАРЫ".

Повесть. 3-е изд „Прибой". Л. 1927. Стр 173

Действие повести относится к 1921 г., т. е. к одному из самых острых переломных моментов нашей революции. Командование округом, наблюдая неблагоприятное влияние, оказываемое на политсостав наступившей мирной обстановкой («пьянствуют», «разлагаются», «обзаводятся хозяйством»), собирает на шестимесячные курсы 100 наиболее заслуженных боевых комиссаров в целях перевоспитания и политической переподготовки. Созыв курсов, их формирование, весь ход учебных занятий протекают в крайне напряженных и тяжелых условиях. Выхваченные из своей обычной служебной обстановки и посланные на курсы в порядке военного приказа, комиссары долгое время не могут примириться со своим новым положением: возникает группа недовольных, не желающих подчиняться дисциплине, «бузящих» и мешающих нормальному ходу работы. Усилиями администрации противодействие непокорных преодолевается, и жизнь курсов начинает входить в колею. Но тут наступает голод, сокращается продовольствен-

ный паек, тяжелые лишения при напряженной работе вызывают среди курсантов болезни,—существование курсов становится под угрозу. Новый острый кризис в жизни курсов наступает в связи с переходом к нэпу, который многими не был правильно понят, расценивался, как отступление, «измена» рабочему классу и т. д., и послужил причиной массовых заявлений о выходе из партии и откомандировании с курсов. Наконец, последняя жестокая встряска, которой подвергаются курсы уже перед самым окончанием своих занятий, вызвана партийной чисткой и связанными с ней конфликтами. Все эти испытания, болезненно отражаясь на психике и настроении курсантов, создавая перебои в работе курсов, не могут все таки поколебать их существования. Героические усилия руководителей, беззаветно преданных делу, встречают поддержку и опору среди наиболее сознательных и стойких курсантов; вопреки всем трудностям и осложнениям, курсы проводят занятия и выполняют намеченную программу, полностью оправдав свое назначение. С другой стороны, во время кризисов, которым подвергались курсы, происходил как-бы естественный отбор, отсеявший все неустойчивые, случайные и чуждые элементы, и совершалась закалка остальных—преданных и выдержанных.—Главный интерес повести, которая представляет по своей форме своеобразный литературный дневник, в хронологической последовательности воспроизводящий историю курсов, заключается в выведенной здесь обширной портретной галлерее партийцев, дополняющей и развивающей образы, намеченные Л. в его «Неделе». Здесь мы находим самые разнообразные группы коммунистов: рабочих, крестьян и интеллигентов. Наряду с многочисленными портретами образцовых коммунистов, подвижников и героев, встречается беспощадное по своей откровенности изображение таких людей, которые только носили маску коммунизма, а по сути являлись шкурниками, хищниками, обывателями и даже прямыми контр-революцио-

нерами.—В художествен. отношении «Комиссары»—более зрелое произведение, чем «Неделя», что с несомненностью свидетельствует о работе над собой молодого писателя и его творческом росте.

См. также:

Коммунисты. (Неделя. Завтра. Комиссары). Собр. соч., т. I. ЗИФ. М-Л. 1927. Стр. 481.

III. Критика.

Воронский, А. — На стыке. Писатели «Кузницы» Ляшко и Либединский.

Бухарин, Н — Предисловие к повести Ю. Либединского «Неделя». ГИЗ. Орел. 1923.

Горбачев, Г. — Очерки современной русской литературы. Гл. VII.

Горбачев, Г. — Два года литературной революции. Основные черты творчества Ю. Либединского.

Коган, П. — Литература этих лет. Гл. VII.

Коган, П. —Красная армия в нашей литературе. Либединский.

Правдухин, В. — Литературная современность. Гл. V и VIII.

Кубиков, И. — Рабочий класс в русской литературе. Гл. XXV. Страницы из повести Либединского «Неделя».

Красильников, В. — Юрий Либединский. «На литературном посту». 1926. V и VI.

Н. С. — Либединский. «Комиссары». «Красн. Новь». 1925. IX.

Друзин, В. — Либединский. «Комиссары». «Звезда». 1925. V.

Евгеньев-Максимов, В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября. з) Либединский.

ЛЯШКО Николай Николаевич.

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1884 г. в гор. Лебедяни Харьковской губернии. Отец—портной из отставных николаевских солдат. Мать—крестьянка. Окончил церковно-приходскую школу. Одиннадцати лет был увезен в Харьков. Работал сначала «мальчиком» в кофейне, потом учеником на кондитерской фабрике, далее на машиностроительных, паровозостроительных и судостроительных заводах Харькова, Николаева, Севастополя и Ростова на-Дону в качестве токаря по металлу. Все это время упорно занимался самообразованием, посещая воскресные школы для взрослых, рабочие вечерние курсы и т. д. В 1901—1902 г.г. впервые познакомился с подпольными рабочими кружками. С этого времени начал принимать активное участие в рабочем движении Юга России. С 1903 по 1914 г.г. прошел суровую школу тюрьмы и ссылок. Многократно подвергался за эти годы аресту, дважды был сослан (в Олонецкую и Вологодскую губ.), сидел в крепости, состоял под надзором и т. д. Писать начал еще в юности, с 1902 г., изображая в небольших рассказах тяжелую жизнь рабочих и их борьбу за лучшую долю. Рассказы эти печатались в южных газетах и журналах. Но вскоре Л. прекратил литературную работу, возобновив ее только в начале 1909 г. в ссылке. С 1911 г. и вплоть до революции его рассказы появлялись в различных газетах и журналах. После революции Л. целиком отдается литературному творчеству, активно участвуя в то же вре-

мя в организации об'единения пролетарских писателей, создании группы «Кузница» и в руководстве ее дальнейшей работой. За эти годы появилось несколько сборников рассказов Л. («Железная тишина», «Радуга», «Рабочие рассказы», «Искра»), повести «В разлом», «С отарой» и «Доменная печь».—Мировоззрение Л. сложилось в начале 900-х годов—в эпоху бурного роста революционного движения, когда все живые и активные силы общества были об'единены одним могучим порывом к свободе, захвачены романтикой революции, увлечены идеей раскрепощения личности. Яркий отпечаток этого романтического настроения лежит на всем творчестве Л., отражаясь и на выборе тем, и на их трактовке. Революционные взгляды и симпатии Л. тесно связаны с «постоянной памятью об идеале общечеловеческого братства и свободы личности» (Горбачев), с широким гуманизмом, распространяющимся даже на врагов. В этом—его отличие от нового поколения пролетарских писателей, родившихся в разгар беспощадной и напряженнейшей борьбы, наложившей на их творчество печать классовой заостренности и непримиримости.

II. Главные произведения.

РАБОЧИЕ РАССКАЗЫ.

Изд. ВЦСПС М 1924 Стр. 103.

Лось Железная тишина. Крепнущие крылья. Рассказ о кандалах. В степи Голубиное дыхание. Радуга В пламени. Солнце, плечи и груз Весть о кончине)

В этой книге собраны лучшие и наиболее известные рассказы Л., дающие в совокупности довольно полное представление о творческом облике писателя. На первое место должна быть поставлена миниатюра «Железная тишина». В ней изображается остановившийся в годы разрухи, запустелый, заброшенный, расхищаемый завод. С большой силой показана автором «тоска немого железа». Жуткая картина запустения от-

теняется видениями прошлого, когда завод был центром, воспитывавшим целые поколения рабочих, сплачивавшим их в могучий трудовой коллектив, организовавшим его борьбу за освобождение. «Читаешь вещь, и так она тебя захватывает, как будто ты стоишь в самой мастерской и хочется тебе снять эту паутину и ржавчину, хочется во все вдохнуть прежнюю и сильную жизнь» (В. Полянский). Картина разрухи и запустения не убивает читателя, а зовет его к делу.— В прекрасном рассказе «Крепнущие крылья» (представляющем собой отрывок из автобиографической повести «С отарой») дана страничка жизни дореволюцион. рабочего. Герой рассказа—молодой пролетарий—под гнетом капиталистическ. эксплоатации начинает понемногу прозревать, осмысливает свое положение в обществе и осознает свою классовую силу. Рост общественного самосознания этого рабочего, накопление им культурного багажа, переход к активной революционной работе в качестве пропагандиста и организатора, борьба с деспотизмом хозяев, с отсталостью и косностью рабочих—в этом основное содержание рассказа, написанного с большой задушевностью, убедительностью и силой.—«Рассказ о кандалах» окрашен в символические тона. В качестве символа, обозначающего силу личного примера, жертвы, подвига в деле революционизирования рабочей массы, здесь выступают кандалы, которые присланы на завод с каторги одним из рабочих. В минуты уныния, отчаяния, упадка веры и сил звон этих кандалов вызывает в душе рабочих воспоминание о тех, кто жертвует своей жизнью за их интересы, воспламеняет их стремлением к борьбе, пробуждает революционный под'ем. Так кандалы, в которые капиталисты заковывали лучших сынов рабочего класса, превращались в орудие его сплочения и организации для революционного дела.—Типичная для всего творчества Л. мысль о содружестве людей, об их братской спайке, о любви ко всем, о высшей человечности, которая должна согре-

вать людские отношения, лежит в основе рассказа «Голубиное дыхание». Носителем этого гуманного миросозерцания является в нем старик Алексей, рабочий кирпичного завода. «Странный, смешной, сродни юродивым», он умеет своим «косноязычием унять злобу, связать артель в узел». Рабочие верят ему, любят и гордятся им. Он сдерживает их в диких и злобных их поступках, примиряет, пробуждает в них лучшие чувства, очищает и облагораживает их душу. И всего этого он добивается одной только силой нравственного убеждения, любовью, правдой и бескорыстием, которые угадывались за его смутными, сбивчивыми речами. Несмотря на нескрываемую симпатию, с которою Л. относится к своему герою, он со всей откровенностью разоблачает наивность и бессилие подобных одиночек, мечтающих о примирении там, где идет жестокая и кровопролитная борьба, и заставляет Алексея погибнуть при первой попытке примирить голодных рабочих и крестьян, борющихся из-за хлеба.—Глубоко содержательные и серьезные по замыслу рассказы Л. написаны к тому же с большим под'емом и с искренним увлечением. Лучшие из них — те, в которых писатель отрешается от влияний дореволюционной символической литературы с ее словесными ухищрениями, манерностью и вычурностью. Отпечаток этих влияний, вместе с чрезмерным психологизмом, бездейственностью и обилием описаний испортили такие, например, рассказы, как «Лось», «В пламени» и в особенности «Солнце, плечи и груз».

„*В РАЗЛОМ*".

Повесть. Собр. соч. т. IV. ЗИФ. М.-Л. 1927. Стр. 123.

Сюжет повести — развал интеллигентской семьи в годы революции на почве идеологических разногласий. Глава семьи — доктор Крымов — старый революционер, целиком стоящий на стороне советской власти. Автор

тщательно подчеркивает, что корни пролетарской идеологии Крымова связаны с его классовым происхождением, и подробно описывает поэтому детство и молодость своего героя, который был сыном машиниста и сам работал в качестве подручного в железнодорожных мастерских. Жена Крымова и два его сына — ярые враги советской власти. Эти люди закоснели в своем реакционно-обывательском отношении ко всему новому и питают непримиримую ненависть к революции.—Основной интерес повести сосредоточен на личности дочери Крымова — Шуры. С детства ее отличают непокорность, независимость поведения и взглядов, непосредственность и прямолинейность поступков. С детства ее влечет к «простым людям». Пошлая мещанская среда, которою окружены ее мать и братья, всегда была ей глубоко антипатична, а со времени революции, внесшей в эту среду полное разложение, она стала внушать ей прямое отвращение. Вместе с тем, все большую силу начинает для нее приобретать влияние отца, и с его помощью она высвобождается постепенно из трясины буржуазного болота. Жажда работы, кипучая энергия заставляют ее броситься в самую гущу революционной борьбы, и она делается активной комсомолкой. Этот процесс внутреннего перерождения героини, ее перехода из одного лагеря в другой — является тем сюжетным стержнем, вокруг которого происходит все действие повести. Фоном для этого действия служит быт большого волжского города в годы гражданской войны. В ряде зарисовок перед читателем выступают коммунисты—руководители советск. власти в провинции.— Основной тон повести — революционно-идеалистический, переносящий читателя к настроениям 90—900-х годов и тем самым связывающий современную борьбу пролетариата с героической борьбой прежних поколений. «Психология начала рабочего движения вставлена в раму октябрьских событий» (Полонский). Лично-идеалистический пафос, пропитывающий повесть, вполне ужи-

вается в ней, однако, с марксистским освещением социального смысла революции. Язык, образы, манера повествования — простые, четкие и выразительные.

„ДОМЕННАЯ ПЕЧЬ".

Повесть 2-е изд. Собр соч. т VI ЗИФ. М.-Л. 1927 Стр 144

Близко соприкасающаяся по теме с «Цементом» Гладкова повесть Л. изображает восстановление сталелитейного завода в южном промышленном районе в первые годы нэпа. Годы войны и революции привели цветущее предприятие к полному запустению, разрушили и сорвали налаженную заводскую жизнь. Рабочие в конец деморализованы, обросли огородно-молочным хозяйством, перешли к торговле, обворовывают завод. Инициатором восстановления завода является рабочий-энтузиаст Коротков, от имени которого ведется повествование. На его пути — три главных препятствия: косность рабочей массы, оторвавшейся от завода и не верящей в его возрождение; сопротивление со стороны бюрократического «средостения», а подчас и явно злостных саботажников, засевших в советских хозяйственных учреждениях; отсутствие преданных специалистов, работающих «не за страх, а за совесть». Все эти препятствия успешно побеждаются в процессе упорной самоотверженной борьбы. Повесть заканчивается пуском доменной печи, символизирующим возрождение завода.—Ограниченный небольшими размерами своей повести, Л. не мог, конечно, развернуть такой широкой и монументальной картины, какую мы находим в романе Гладкова. Однако, в рамках своего задания он справился с ним очень удачно. Процесс собирания, развертывания и укрепления творческих сил рабочего класса изображен ярко и верно. Наряду с этой основной темой затрагивается и область рабочего быта, показана ломка семейных устоев, вскрыты те острые конфликты, которые возникают порой в недрах пролетарской семьи на почве

новых условий жизни. Такой конфликт переживает герей повести Коротков, связанный с мещанкой-женой, чуждой всем его интересам и помыслам и мешающей ему в общественной работе.—Как образы главных героев повести, так и эпизодические фигуры обрисованы автором, хотя и без особенной психологической углубленности, но метко и жизненно. В художественном отношении повесть знаменует решительный переход Л. от старой его искусственной и подражательной манеры к простоте, конкретности, четкости, краткости и меткой образности, — переход, свидетельствующий о наступлении художественной зрелости писателя.

См. также:

С о т а р о ю. Повесть. Собр. соч. т. V. ЗИФ. М-Л. 1927. Стр. 165.

Ж е л е з н а я т и ш и н а. — Рассказы. Собр. соч. т. I. ЗИФ. М.-Л. 1927. Стр. 136.

Р а д у г а. Рассказы. Собр. соч. т. II. ЗИФ. М.-Л. 1927. Стр. 113.

III. Критика.

В о р о н с к и й А. — На стыке. Писатели «Кузницы» Ляшко и Либединский.

Г о р б а ч е в, Г. — Два года литературной революции. Пролетарская художественная проза и наша современность. Н. Ляшко, как пролетарский писатель.

Г о р б а ч е в Г. — Очерки современной русской литературы. Гл. VII.

Я к у б о в с к и й Г. — Литературные портреты. Ляшко.

П о л я н с к и й В. — Вопросы современной критики. Ляшко.

К у б и к о в И. — Рабочий класс в русской литературе. Гл. XXIII. Рассказы Н. Н. Ляшко.

Львов-Рогачевский В. — Очерки пролетарской литературы. Ляшко.

Зонин А. — Меж «голубиным дыханием» и «доменной печью». «Октябрь». 1926. III.

Лежнев А. — Ляшко. «В разлом». «Красная Новь». 1924. VI.

Шафир А. — Ляшко. «С отарою» и «Доменная печь». «Красная Новь». 1927. IV.

Фатов Н. — Ляшко. Повести. «Печать и революция». 1925. IV.

Асеев Н. — Н. Ляшко. «Радуга»—рассказы. «Печать и революция». 1923. III.

Н. А. — Н. Ляшко. «Железная тишина»—рассказы. «Красная Новь». 1922. IV.

Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября. ж) Ляшко.

Клейнборт М. — Очерки народной литературы. Глава 11.

НЕВЕРОВ Александр Сергеевич (Скобелев).

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1886 г. в Самарской губернии в семье крестьянина. Первоначальное образование получил в церковной школе, после окончания которой занимался некоторое время крестьянской полевой работой, служил мальчиком в одной из самарских типографий, работал приказчиком у купцов. Потом поступил в озерскую второклассную школу и, окончив ее в три года, стал учительствовать по деревням. В 1915 г. был мобилизован на войну. Начало литературной работы Н. относится к 1905 г., когда в петербургском журнале «Вестник Трезвости» были помещены его первые рассказы. С тех пор отдельные его рассказы из жизни крестьянской бедноты и сельского учительства (см. первый том полного собрания сочинений: «Авдотьина жизнь». Рассказы 1906—1916 г. г.) печатались в ряде столичных журналов вплоть до революции.—Революция выдвигает Н. на активную литературную работу сперва в Самаре, а с 1922 г. в Москве. С 1917 по 1923 г. он написал множество мелких рассказов, несколько повестей («Андрон Непутевый, «Ташкент—город хлебный», «Повесть о бабах»), роман «Гуси—лебеди» и ряд пьес («Бабы», «Захарова смерть», «Смех и горе», «Гражданская война» и др.). Одновременно Н. занимается журналистикой, ведет редакционную работу в различных журналах и принимает активное участие в жизни литературных организаций («Кузница», Всероссийский Союз Писателей). 24-го декабря 1923 г. в разгаре этой многообразной и

интенсивной деятельности его постигает внезапная смерть от разрыва сердца. — В лице безвременно скончавшегося писателя наша молодая художественная литература потеряла одного из лучших бытоизобразителей послеоктябрьского села. Кровно связанный с крестьянской жизнью, подлинный сын деревни, Н. чутко прислушивался к биению ее пульса, прозорливо угадывал малейшие сдвиги в ее настроениях, любовно подмечал все признаки ее культурно-бытового роста и обновления. В произведениях Н. проходит целая галлерея ярких художественных образов современной деревни: кулаки, беднота, колеблющиеся середняки, сельские интеллигенты, попы, женщины, молодежь и дети. Самобытно-художественные по своему выполнению, затрагивающие серьезные и важные вопросы современной жизни, крайне просто и доступно написанные, вещи Н. заслуженно пользуются большой популярностью у массового читателя.

II. Главные произведения.

„АНДРОН НЕПУТЕВЫЙ“.

Полн собр сочин т. IV. Голод. Рассказы 1921-1922 г г 2-е изд „ЗИФ“ М.-Л Стр. 196.

Деревня в годы гражданской войны. Возвратившийся с фронта молодой крестьянин-коммунар Андрон, опираясь на поддержку бедноты, молодежи, женщин, круто приступает к перестройке патриархального уклада деревенской жизни на новый революционный лад. Решительные мероприятия Андрона, направленные против засилия кулаков, влияния попа, стариковский власти, семейного гнета, вооружают против него все реакционные силы деревни, и «Андронова коммуна» гибнет в огне контр-революционного восстания. Повесть ярко рисует классовое расслоение послереволюционного села, борьбу бедняков с кулаками, столкновение революционно-настроенной части крестьянства с охранителями ста-

рины, жестокую войну между новым и старым бытом.— В изображении деревенской жизни и людей деревни Н. чужд идеализации: теневые стороны старого деревенского уклада вскрываются им с полной беспощадностью, без замалчивания и без попыток оправдания. Но одновременно он с большим сочувствием воспроизводит те новые явления крестьянского быта, которые свидетельствуют о под'еме здоровых творческих сил, о нарождении молодой деревенской общественности, о ломке бытовых устоев и перестройке социальных взаимоотношений. С особенной любовью изображается в повести борьба деревенской женщины с гнетом мужней власти, постепенное ее высвобождение из-под тисков старого семейного уклада, тяга к общественной и к революционной работе. Со стороны формы повесть представляет весьма любопытный и удачный опыт подражания (стилизации) народному творчеству (былинный склад, образы, сравнения, словарь и пр.).

„ТАШКЕНТ — ГОРОД ХЛЕБНЫЙ"

Полн Собр. соч. т V. Повести к рассказы 1922-1923 г г. 9-е изд ЗИФ М -Л 1927 Стр. 286

Голодающее, вшивое, тифозное Поволжье 1921 г. Жуткие картины разрухи, нищеты, одичания, отчаяния. Поезда и станции, переполненные обезумевшими, озверевшими от переживаемых ужасов, голодными и больными людьми. Трагическая обстановка, насыщенная дыханием голода, болезней и смерти. Два деревенских мальчика отправляются в этих условиях в далекий, сказочный для них Ташкент за хлебом для семьи. Младший, не выдержав нечеловеческих испытаний, погибает в пути. Старший, одиннадцатилетний Мишка Додонов, проявляя чудеса ловкости, изворотливости, упорства и выносливости, после многих мытарств и злоключений, добирается до Ташкента, зарабатывает там тяжелым трудом несколько пудов хлеба и возвращается

домой, спасая от голодной смерти свою семью.—В повести верно подмечены и переданы своеобразные особенности психологии деревенского подростка, брошенного в гущу жестокой борьбы за существование и сумевшего, благодаря своей природной силе и стойкости, уцелеть и победить в этой неравной схватке. Критика справедливо усматривает в маленьком герое неверовской повести прообраз упорных, решительных и стойких строителей новой жизни, выдвинутых революцией из толщи народных масс. Повесть написана прекрасным языком, простым, образным и свежим.

См. также:

Гуси-лебеди. Роман. Полн. собр. соч. т. VII. ЗИФ. М.- Л. 1927. Стр. 208.

Лицо жизни. — Рассказы 1920—1921 г.г. Полн. собр. соч. т. III. ЗИФ. М.-Л. 1927. Стр. 252.

В садах. — Рассказы 1920—1923 г.г. Полн. собр. соч. т. VI. ЗИФ. М.-Л. 1927. Стр. 240.

III. Критика.

Фатов Н. — А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества. Изд. «Прибой». Л. 1926. Стр. 215.

Якубовский Г. — Александр Неверов. Литературный портрет. «Новый Мир», 1925. II.

Якубовский Г. — Литературные портреты. Неверов.

Горбачев Г. — Очерки современной русской литературы. Гл. VII.

Воронский А. — Искусство и жизнь. О группе писателей «Кузница».

Николаева Т. — Творчество Неверова. «Октябрь». 1926. III.

Неверов А. С. — Сборник литературного общества «Никитинские субботники», под ред. Е. Ф. Никитиной. ЗИФ. 1924.

Неверову—Алый венок. — Сборник коллектива рабоче-крестьянских писателей. «Красная Новь». ГИЗ. 1924.

Ингулов С. — Я хочу жить. «На посту». 1924. I—V.

Родов С. — А. С. Неверов. Некролог. «Молодая Гвардия». 1924. I.

Полянский В. — Неверов. «Гуси—лебеди». «Печать и революция». 1924. VI.

Кубиков И. — Неверов. «Ташкент — город хлебный». «Печать и революция». 1923. VII.

Клейнборт М. — Очерки народной литературы. Глава 8.

Львов-Рогачевский В. — Новейшая русская литература. Неверов.

Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября. е) Неверов.

НОВИКОВ-ПРИБОЙ Алексей Силыч.

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1877 г. в Тамбовской губернии в крестьянской семье. Кончил церковно-приходскую школу. Потом, вплоть до поступления на военную службу, занимался земледелием. Воинскую повинность отбывал в Балтийском флоте. Усиленно занимался в это время самообразованием. Посещал в Кронштадте воскресную школу. Через ее преподавателей впервые познакомился с нелегальной литературой. За распространение этой литературы среди моряков попал в дом предварительного заключения. Писать начал в японском плену (после Цусимского боя). В 1906—1907 г. г. выпустил под псевдонимом «Матрос А. Затертый» две небольшие книжки о Цусимском бое — «За чужие грехи» и «Безумцы и бесплодные жертвы». Обе книжки были немедленно конфискованы. С 1907 по 1913 г. г. скитался за-границей, как политический эмигрант. Работал на предприятиях, плавал матросом на коммерческих судах, служил в конторах. Писал мало — только в часы отдыха. А в годы империалистической войны и февральской революции совсем перестал писать.—В 1917 г. «Книгоиздательство Писателей» выпустило первую книгу рассказов Н.-П. «Морские рассказы», подготовленную к выпуску еще в 1914 г., но задержанную по цензурным условиям. В 1923 году эта книга переиздается, а вслед за нею появляется ряд новых книг Н.-П.: «Море зовет», «Две души», «Победитель бурь», «Подводники», «Вековая тяжба» и др. Живя постоянно в Москве, Н.-П. не порвал связи

с миром моряков и в 1926 г. предпринял круговое плавание из Ленинграда через Атлантический океан и Средиземное море до Юга России на простом торговом судне. Последнее произведение Н.-П. — книга «Женщина в море».— Один из критиков назвал Н.-П. «Айвазовским пролетарской литературы». Действительно, преобладающим содержанием его произведений является морская жизнь; огромное большинство действующих лиц — моряки, а фоном, на котором происходит действие, почти неизменно служит море; впрочем, иногда оно является не только фоном, но приобретает роль одного из главных героев произведения. Все это приводит к сопоставлению Н.-П. с другим маринистом в нашей литературе — автором многочисленных произведений из морской жизни Станюкевичем (1884—1903). Но между Станюкевичем и Н.-П. лежит целая пропасть и в смысле различия эпох, к каким относится их творчество, и в смысле коренной противоположности социального положения: «Станюкевич — народник — интеллигент, пребывавший на офицерской половине корабля; Н.-П. — матрос, живший жизнью матроса, воспринявший психологически ее свет и тени». (Клейнборт).

II. Главные произведения.

„МОРСКИЕ РАССКАЗЫ“.

Собр. соч кн. I. „Пролетарий“. X 1926

(По темному Подарок Между жизнью и смертью. Побежденные Одобренная крамола Злая весть. Рассказ боцманата Словесность. Попался Бдиня)

Содержание первого тома морских рассказов переносит нас к первым годам японской войны, к эпохе Цусимы и первых революционных потрясений. Внимание писателя приковано к униженному, рабски-бесправному положению до-революционного матроса, бывшего «серой

скотинкой», «пушечным мясом» в руках царя и его прислужников. Эти матросы еще бессловесны и покорны своему начальству. По его приказу они расстреливают и топят таких же рабочих и крестьян, как и они, но только одетых в матросскую форму другой державы. Однако, ужасы позорной и преступной войны пробуждают мало-по-малу проблески самосознания в душе этих запуганных и обезличенных людей. Человеческое достоинство, унижаемое и попираемое палочной дисциплиной, заговаривает в них, наконец, и влечет их на путь протеста и возмущения. Возникают попытки борьбы с царским строем. Сюжеты отдельных рассказов касаются тяжелой трудовой жизни моряков на военном корабле в дни затишья, суровых испытаний во время боевой страды, революционных вспышек среди матросов, наконец, той бесчеловечной расправы, какая постигла зачинщиков возмущения, казненных жестокой и безобразной казнью.—В художественном отношении рассказы первого тома еще несвободны от многих недостатков и изобличают старомодную манеру писателя, близкую к приемам прозаиков-народников, вроде Глеба Успенского, Левитова и др.

„МОРЕ ЗОВЕТ".

Морские рассказы Собр. соч кн. II „Пролетарий". X 1926.

Второй том морских рассказов тоже посвящен быту и психологии моряка (до-революционного и современного), но подход автора к своей теме и разработка ее носят здесь гораздо более углубленный характер. Основная идея, об'единяющая рассказы второго тома,— власть моря, его таинственный зов, его притягательная сила. «Во всех напастях, в бедствиях и невзгодах на земле тот, кто знает море и сжился с ним, тянется к нему, как к великой, исцеляющей, умиротворяющей стихии, ищет в нем отрады, забвения, покоя, выхода из земных, береговых тупиков... Море роднит, собирает

этих вольных детей морского труда, оксанов, бескрайной шири и простора; всех этих веселых и беспокойных бродяг, обвеянных ветром и просоленных, оно соединяет в одну братскую семью вольных морских чаек». (Воронский). Помимо любви к морю, моряков, изображаемых Н.-П., ,об'единяет также глухой протест против несправедливого социального строя, эксплоатации и неравенства и страстная мечта о революционном шквале: «Нужно шквалом пронестись по всей земле, чтобы все старые порядки перевернуть вверх килем. А потом снова начнем строить жизнь, — не такую скверную, как теперь»... «Матрос, как человек, страдающий, напряженно работающий, буйно веселящийся в дни отдыха, разноязычный, многоликий мировой бродяга, авантюрист по профессии в различных видах и положениях проходит перед читателем в произведениях Н.-П... Подойти к матросу вот так осторожно, чутко, по-человечески мог только писатель-матрос, сам переживший печали и радости морской жизни». (Якубовский).—Рассказы второго тома свидетельствуют о росте литературного дарования Н.-П., об утверждении его самобытности и высвобождении из плена посторонних влияний. Подлинный реалист по своему художественному направлению, Н.-П. обнаруживает здесь большой и разнообразный запас изобретательных средств. Диалог (разговор) в рассказах Н.-П.—остер и динамичен; язык действующ. лиц искусно окрашен профессион.-производственным колоритом; описания моря — красочны и живописны. Крупным достоинством рассказов является также их сюжетная занимательность, умелое построение и мастерское развитие действия. К этому присоединяются простота, четкость и отстутствие каких бы то ни было словесных ухищрений, выгодно отличающие Н.-П. от многих его современников, которые, может быть, превосходят его размерами таланта, но никогда не смогут стать близкими рабочему читателю из-за чрезмерной изысканности и вычурности своего стиля.

„ПОДВОДНИКИ".

Собр соч кн III Ухабы „Пролетарий" X 1926. Стр 263

Первое произведение в нашей художественной литературе, посвященное быту подводников. В основу повести положена подлинная история плаваний и злоключений русской подводной лодки «Мурена» во время империалистической войны. Перед читателем развертываются разнообразные картины морской жизни, быта матросов на войне и во время отдыха — в порту. Длинной вереницей проходят образы моряков — характерные и не похожие один на другой. Основной интерес повести заключается в изображении того, как исподволь, шаг за шагом, незаметно для самих матросов нарастает в их душе сперва усталость, потом разочарование, недовольство, а дальше отрицательное отношение к войне, превращающееся, наконец, в судорожное отвращение к ней. Даже сам командир подводной лодки, офицер Ракитников, в минуту откровенности признается: «Война надоела. Каждый день одно и то же. Всюду измена, ложь, подлость»... Самым ярким выразителем противовоенных настроений команды является радиотехник Зобов. Он очень умело вызывает и поддерживает эти настроения у товарищей своей осторожной и остроумной агитацией. О войне он говорит так: «Ты видел, как стравливают собак. Одну бросают на другую, или потычут их мордами. Собаки начинают грызться, рвать одна другую — только шерсть летит клочьями. То же самое происходит и с людьми». Пусть сознательные и передовые Зобовы — еще одиночки; пусть, несмотря на их революционную работу, продолжается суровая и жестокая лямка войны; пусть матросы по прежнему подчиняются привычной дисциплине и творят, по приказу начальства, свое разрушительное дело; пусть, рискуя ежечасно жизнью, они остаются на своем полном опасностей и трудов посту; пусть топят они в вине и разгуле свою тоску и страх перед смертью — все же

где то в глубине, под спудом, идет непрерывная работа пробуждающегося сознания; головы людей, втянутых в бессмысленную бойню, начинают проясняться: патриотическая дурь начинает спадать; растет возмущение и ненависть к тем, кто послал их на мучения и убийство. Это пробуждение — только начало, только первые шаги. Но когда те, кто уцелеют, вернутся на сушу, они придут сюда новыми людьми, опаленными в огне и буре жестоких испытаний, готовыми ринуться в гущу новой борьбы и новых боев за освобождение человечества, за то, чтобы больше не было войн, разрушений, подводных лодок, мин и тех истребительных орудий, какими люди убивают друг друга. Автор далек от того, чтобы навязывать читателю какую-либо тенденцию, агитировать, подчеркивать и ставить точки над и. Но выводы — единственные и непреложные — сами собой возникают у того, кто внимательно и вдумчиво прочитывает его правдивую повесть, написанную с исключительной простотой, без всякого пафоса, без преувеличений и сгущения красок.

См. также:

Женщина в море. — Собр. соч. Кн. IV. «Пролетарий». X. 1927.

Две души. — Собр. соч. кн. V. «Пролетарий». X. 1927.

III. Критика.

Воронский А. — Искусство и жизнь. О группе писателей «Кузница».

Якубовский Г. — Литературные портреты. А. С. Новиков-Прибой.

Клейнборт Л. — Очерки народной литературы. Ч. II. Гл. 8—9. Новиков-Прибой.

Красильников В. — А. Новиков-Прибой. «Новый Мир». 1927. V.

Обрадович С. — А. Новиков-Прибой. «Море зовет». «Октябрь». 1926. III.

Красильников В. — А. Новиков-Прибой. «Подводники». «Печать и Революция». 1926. IV.

Замошкин Н. — Новиков-Прибой. «Женщина в море». «Новый Мир». 1927. I.

Лежнев А. — То-же. «Красная Новь». 1927. I.

Красильников В. — То-же. «Печать и революция». 1927. I.

СЕЙФУЛЛИНА Лидия Николаевна.

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родилась в 1889 г. в Оренбургской губернии. Отец — крещеный татарин — окончил учительскую семинарию; мать—крестьянка. Образование получила в оренбургском епархиальном училище и омской гимназии. Сперва служила учительницей, потом была на сцене, затем снова учительствовала. Руководила библиотечной и внешкольной работой орского уездного земства. В 1917 г. была избрана уездным земским гласным. После Октябрьской революции продолжала работать по линии народного образования. Руководила библиотечным делом в Челябинской губернии. В 1920 г. приехала в Москву и поступила на Высшие Научно-Педагогические курсы. В 1921 г. была откомандирована Наркомпросом в Сибирь и стала работать секретарем Сибгосиздата в Н.-Николаевске. Первый рассказ «Павлушкина карьера» из жизни беспризорных был напечатан в газете «Советская Сибирь» в 1921 г. После этого С. поместила несколько вещей в журнале «Сибирские огни». Из них особенный успех имел рассказ «Правонарушители», отмеченный критикой и переведенный на иностр. языки. След. произведение—повесть из жизни сибирской деревни «Перегной» (1923 г.)—окончательно укрепило литер. имя молодой писательницы. В 1923 г. С. переезжает из Сибири в Москву. В 1924 г. выходит сборник ее рассказов из жизни детей и юношества «Молодняк», а в журнале «Красная Новь» печатается повесть из деревенской жизни «Виринея», надолго становящаяся в цен-

тре внимания читательской массы. Значительно меньший успех выпал на долю тех произведений С., в которых писательница от изображения близко знакомого ей деревенского быта переходит к изображению жизни интеллигенции (романы «Путники» — 1925 г. и «Встреча» — 1926 г.). В последнем своем напечатанном произведении—повести «Каин-кабак»—С. снова обращается к бытописанию крестьянской жизни.

II. Главные произведения.

„ПЕРЕГНОЙ".

Собр. соч. т. II 2-е изд. ГИЗ М-Л Стр 283

Сибирская деревня, разбуженная первыми раскатами революционного грома. Беднота, впервые ощутив свою силу, потянулась к земле, решила, что «нечо валандаться», что пришла пора «прикрутить богатеев», отобрать у них землю, машины. Поголовно записывается она в «большевицкую» партию («мужики отдельно, бабы для счета отдельно») и начинает наступление против своих исконных врагов. Вначале борьба ведется мирными способами, но общее развитие революции, пример городского пролетариата, появление контр-революционных казаков — все это приводит к обострению и углублению борьбы, принимающей с каждым днем все более жестокие и беспощадные формы. И вот уже развязалась страшная стихия, «кровь человеческую разбудили, чем и когда ее утихомиришь?». Ослепленные классовым гневом, деревенские большевики совершают много диких и варварских поступков: зря убивают доктора, бьют нещадным боем лавочников, сжигают книги и картины в библиотеке. Вождь бедноты, председатель исполкома, Софрон, охмелевший от крови и власти, озлобленный и одичалый, насилует учительницу в отместку за причиненную ему обиду. Кулаки, поддерживаемые казаками, одолевают большевиков, и Софрон

вместе с 29-ю своими товарищами погибает, избитый и заживо погребенный.—Писательница с большой откровенностью и смелостью показывает «самые уродливые гримасы раннего сибирского деревенского большевизма» она «хорошо понимает незрелость, условную революционность, ограниченность деревенской заовражной стихии» (Воронский), от которой не будет пощады и городским коммунистам, если они станут на ее пути. Но все же этот стихийный бунт сибирского крестьянства есть часть общего великого революционного потока; своей неуклюжей медвежьей ломкой он расчистит почву, на которой из грязи и крови вырастет новая, свободная и культурная деревня. Пусть Софрон и его товарищи наполовину еще в прошлом, пусть они неграмотны, темны и часто руководствуются только инстинктом, все-же и в своем дурном и в хорошем они кровно связаны с революцией — ей отдают они свою страсть, свою энергию, свое упорство. Их жизнь, их бунт, их гибель не пройдут бесследно: они лягут «перегноем, удобрением для новой свежей поросли»; земля, «унавоженная ими», даст «хороший урожай». Дети Софронов, ушедшие на выучку в город, учтут ошибки своих отцов и вернутся в деревню подлинными строителями новой жизни.—Насыщенная богатым социальным и бытовым содержанием, повесть С. написана сильно и ярко, колоритным народным языком.

„ВИРИНЕЯ".

Собр соч т. III. 2-е изд ГИЗ М-Л. 1927 Стр. 284.

В этой повести С. делает попытку нарисовать тип новой деревенской женщины, выкованной в годы революции и непохожей на забитую, терпеливую и пассивную женщину старой деревни. Молодая кержачка Виринея от природы непокорна и беспокойна. Темнота и убогость деревенской жизни гонят ее в город. Но лицемерие, неискренность и показная добродетель городской интеллигенции отталкивают ее, и она снова воз-

вращается в деревню. От глухого, инстинктивного протеста против женского бесправия и уродливости старого семейного быта, заставляющего ее порвать с нелюбимым мужем, она переходит к открытому вызову и дерзкому бунту против всего уклада деревенской жизни. Только революция и вызванная ею ломка социальных и бытовых устоев деревни дает выход и указывает дорогу этому стихийному бунту упрямой и своенравной натуры. Встреча с большевиком Павлом Сусловым определяет дальнейшую ее судьбу: Виринея становится его верной подругой, женой и помощницей в революционном деле. Трагическая гибель от руки казаков обрывает ее жизнь в тот момент, когда после стольких блужданий и срывов она вышла на настоящий путь. «Образ Виринеи — говорит Воронский, — нов, самобытен, широк, подкупающ от полноты жизни, которую вобрал в себя, и современен... Виринея — новый тип женщины на Руси. Она стала возможна только в нашу эпоху. Она свидетельствует о могучем росте личности трудового человека и, в частности, деревенской женщины, где сплошной быт был доселе особенно прочен».—Личная драма Виринеи, являющаяся основным сюжетным стержнем повести, пересекается в последней с историей крестьянина Магары, также представляющей значительный бытовой и психологический интерес. Тип Магары восходит к литературным образам Леонида Андреева и Достоевского. Это — сильный и жадный до жизни человек, страстная и увлекающаяся натура. В начале мы застаем его охваченным напряженным религиозным экстазом. Но жестокое разочарование, которое ему приходится пережить в своих верованиях, разом повергает его в богохульство, кощунство, грех и блуд. После долгих метаний, он заканчивает свою жизнь на гражданской войне, сражаясь вместе с красными «за бедный народ и правое дело».—По признанию критики, повесть «Виринея» является лучшей вещью С. и самой характерной для ее творчества.

„ПРАВОНАРУШИТЕЛИ".

Собр соч т I. ГИЗ М.-Л. 1927 Стр 285.

Рассказ из жизни беспризорных детей, выброшенных на улицу в годы войны и революции, оторванных от семьи и предоставленных самим себе в обстановке разрухи и голода. Проблема воспитания этих детей, искалеченных уличной жизнью, и возвращения их к честной трудовой жизни — составляет центральную идею рассказа. Постановка дела в детских домах первых лет революции, казенщина и трафарет воспитательных методов, неискренность и нечуткость педагогов, бюрократизм и формалистика наробраза встречают в рассказе резкое осуждение. Наробразовским детдомам противопоставляется трудовая коммуна воспитателя Мартынова, энтузиаста и чудака, беззаветно преданного своему делу, любящего и знающего детей. Герой рассказа, юный правонарушитель Гришка Песков, попавший в мартыновскую колонию после ряда детских домов и исправительных заведений, впервые находит здесь ту нормальную здоровую обстановку, в которой он может сбросить с себя «шелудивую коросту» уличных влияний, получить поддержку и развитие своим хорошим природным задаткам, выпрямиться и излечиться от всех нравственных недугов, приобретенных за годы скитальческой жизни.—Рассказ написан тепло; отдельные страницы окрашены мягким юмором; детская психика обрисована с любовью и чуткостью. Наряду с неверовским «Ташкентом — городом хлебным», — «Правонарушители» — лучшее из послереволюционных произведений о детях и детской жизни.

III. Критика.

Воронский А. — Литературные типы. Л. Сейфуллина.

Горбачев Г. — Очерки современной русской литературы. Гл. VII.

Лежнев А. — Вопросы литературы и критики. Л. Сейфуллина.

Правдухин В. — Литературная современность. Гл. V.

Коган П. — Литература этих лет. Гл. VII-я.

Фурманов В. — Сейфуллина. «Виринея». «На литературном посту». 1926. II.

Якубовский Г. — Сочинения Л. Сейфуллиной и ее критики. «Новый Мир». 1925. X.

Смирнов Н. — Л. Сейфуллина. «Перегной». «Красная Новь». 1923. IV.

Хмара А. — Сермяжный зык. Л. Сейфуллина. «Молодая Гвардия». 1925. II—III.

Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября 2) Сейфуллина.

Львов-Рогачевский В. — Новейшая русская литература. Сейфуллина.

ПереверзевВ. — Л. Сейфуллина. «Встреча». «Н. Мир». 1926. VII.

Мирецкий П. — Резиновая повесть («Встреча» Сейфуллиной). «На лит. посту». 1926. VI.

СЕРАФИМОВИЧ Александр Серафимович. (Попов)

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1863 г. в Донской области. Отец и мать — донские казаки. Детство провел в Польше и на Дону. Окончив гимназию в глухой, заброшенной станице Усть-Медведицкой, в 1883 г. поступил в петербургский университет на физико-математический факультет. На IV-м курсе был арестован за составление воззваний к населению и выслан в Архангельскую губернию. В ссылке начал писать. Первый рассказ «На льдине» появился в «Русских Ведомостях» в 1888 г. Из Архангельск. губернии С. перевели в Донскую область под гласный надзор полиции. Здесь написал ряд рассказов из жизни шахтеров, заводских рабочих, рыбаков. В этих рассказах («Под землей», «На заводе», «Сцепщик», «Стрелочник» и др.) ярко обрисованы бесправие, эксплоатация, нужда и кошмарные бытовые условия, которые были уделом рабочего люда в до-революционное время. В 1902 г. С. переехал в Москву. События 1905 г. привлекли творческое внимание писателя к вопросам рабочего движения, стачечной борьбы и революции («Живая тюрьма» и др.). Крупнейшим из до-революционных произведений С. является роман «Город в степи» (1915), в котором дана широкая картина капиталистического перерождения глухих степных просторов России, роста промышленности, обострения классовых противоречий между предпринимателями и рабочими, консолидации рабочего класса, первых успе

хах социалистической пропаганды и т. д. Во время империалистической войны С. поехал на фронт корреспондентом. После февральской революции стал работать в «Известиях Московского Совета», писал воззвания и брошюры по заданиям М. К. и Московского Совета, за что подвергся жестокой травле в буржуазной печати и был изгнан из литературн. общества «Среда» и «Московского Издательства Писателей». В мае 1918 г. вступил в РКП. В годы гражданской войны был на фронтах и посылал оттуда корреспонденции в «Правду». Написал за это время ряд агитационных рассказов и две пьесы для народного театра. В 1923 г. появилась в печати большая повесть С. «Железный поток», представляющая первую часть эпопеи «Борьба», которая по замыслу автора должна охватить рабочее и революционное движение предоктябрьской поры, годы революции и социалистическое строительство наших дней. В настоящее время С. принимает живейшее участие в литературной жизни, состоит членом бюро правления ВАПП'а (Всесоюзной Ассоциации Пролетарских Писателей) и редактором журнала «Октябрь». — Почти сорокалетняя литературная деятельность, целиком прошедшая под знаком служения трудовому народу, завоевала С. горячие симпатии широких кругов рабочей читательской массы, которая по заслугам видит в нем одного из самых близких и любимых своих писателей.

II. Главные произведения.

„ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК“.

Роман. Собр соч т. X. Изд 3-ье ГИЗ М-Л 1927 Стр 232

«Нема края найкращего, як наш край» — говорят кубанцы о своей родине. В течение полутора столетий в этом богатом и благословенном краю идет борьба между зажиточными казаками, старожилами края, и пришлой иногородней голытьбой. Главный повод этой

борьбы — земельный вопрос. Октябрьская революция с особой силой распалила вековечную вражду двух групп кубанского населения. Беднота почувствовала поддержку, ощутила новые силы и перешла в наступление. Но «когда добрались до уравнения земли, закипела Кубань и смахнула советскую власть». И вот после разгрома кубанских советов началось там могучее партизанское движение. С Таманского полуострова вышла целая армия красных партизан и, обрастая по дороге неисчислимыми толпами беженцев, спасавшихся от казацкой расправы, двинулась на соединение с регулярными частями Красной Армии. Путь партизан раскинулся на сотни верст по узкому коридору между горами и морем. Преследуют их враждебные казацкие силы, обстреливают с немецкого броненосца, нападают грузины, преграждают дорогу офицерские батальоны. Партизаны оборваны, обтрепаны, босы; падают в пути их обессиленные и заморенные кони; гибнут от голода и усталости дети и женщины. Но поток все-таки движется вперед и вперед с неудержимой силой. «Надо итить з усией силы... Итить, итить, итить, бежать, бегом бежать, ни спаты, ни питы, ни исты, тилько бежать з усией силы — в этом спасение, и пробивать дорогу, колы хтось загородить». И вопреки всем непреодолимым преградам и нечеловеческим трудностям, партизаны достигают цели и пробиваются в конце концов к главным силам Красной Армии.—В повести нет индивидуальных героев: в центре действия — борьба и страдания массы. Нет в ней также и фабулы в формальном смысле слова: внимание читателя сосредоточено исключительно на непрерывном движении партизанского потока. Захватывающий интерес, с которым читается это безгеройное и бесфабульное произведение, обусловлено мастерским выявлением коллективной психологии народной массы. С большой наглядностью и убедительностью показан перелом, совершившийся в этой психологии: переход от мелко-собственническ. ин-

дивидуализма к осознанию общеклассовых интересов, от анархии к революционной самодисциплине. Изображение этого психологического перелома в народной массе, увлеченной водоворотом социальной революции, придает широкое, почти символическое значение рисуемым событиям: в них как бы обобщается весь смысл гражданской войны. Но это нисколько не заслоняет своеобразия и исключительности того участка гражданской войны, который послужил С. непосредственным предметом изображения — кубанской партизанщины. Целый мир живых и ярких образов, который мы находим в «Железном потоке», запечатлен резко-выраженным национальным и бытовым характером.—Наиболее полно очерченная и самая красочная фигура в повести — атаман Кожух. Этот «железный вождь с каменным лицом, укротитель тысячеголового чудовища — единственный в своем роде образ в мировой литературе» (Коган). Непреоборимое упорство в достижении поставленной цели, могучая сила воли, крепкая мужицкая сметка, кровное единство с массой — делают из Кожуха типичного революционного вождя наших дней. В то же время, при всей обобщенности и типичности образа Кожуха, его характер, склад его ума, его внешний облик, его речь густо окрашены местным кубанско-казацким колоритом. Также характерны и выразительны в психологическом и бытовом отношении и все остальные персонажи повести вплоть до бабки Гарпины с ее знаменитым самоваром, молодой матери, лишившейся ребенка, правофлангового казака, напялившего фрак и шесть пар женских панталон на голое тело. — Реалист-бытовик, воспитанный на лучших образцах нашей классической литературы, заимствовавший у старых мастеров художественного слова искусство простого, правдивого и яркого повествования, С. написал свое произведение в духе этой испытанной и благородной традиции. Мудрая сдержанность и эпическая ровность тона сочетаются в его повести с большой внутренней силой

и глубоко запрятанной, но искренней и горячей взволнованностью. Широкий социальный охват изображаемой среды и событий, наряду с яркостью их художественного воспроизведения, справедливо поставили «Железный поток» в число лучших достижений после-октябрьской литературы.

III. Критика.

Фатов Н. — А. С. Серафимович. Очерк жизни и творчества ГИЗ. 1927.

Вешнев В. — А. Серафимович, как художник слова. Изд. «Московский Рабочий». 1924.

Коган П. — Серафимович. «На посту». 1924. I—V.

Якубовский Г. — Литературные портреты. Серафимович.

Горбачев Г. — Очерки современной русской литературы. VII. О «Железном потоке» Серафимовича.

Кубиков И. — Рабочий класс в русской литературе. Гл. XIX.

Полянский В. — Вопросы современной критики. «Железный поток». Серафимовича.

Фурманов В. — О «Железном потоке» Серафимовича. «Октябрь». 1926. II.

Смирнов Н. — Писатель труда и борьбы. «Известия ВЦИК». 1924. № 74.

Переверзев В. — Новинки беллетристики. «Железный поток». «Печ. и револ.». 1924. V.

Коган П. — Красная армия в нашей литературе. Серафимович.

Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября. 3) Серафимович.

ФАДЕЕВ Александр.

I. Краткие сведения о литературной деятельности.

Первое произведение Ф. — повесть «Против течения» — напечатано в 1923 г. в журнале «Молодая Гвардия». Содержанием этой повести является борьба красных партизан и Красной Армии с Колчаком и японцами на Дальнем Востоке. В центре действия — один из полков дальне-восточной народной армии в период превращения его из партизанского отряда в регулярную воинскую часть. Проведение этой реформы было делом чрезвычайно сложным и трудным: полк устал, дисциплина расшатана, солдаты деморализованы. Комиссар Челноков героически борется с разложением полка, дезорганизованностью и дезертирством, но остается в одиночестве, и полк покидает позиции. Автор ярко вскрывает классовую подоплеку конфликта, изображаемого в повести, показывая его, как столкновение организующей пролетарской воли с узостью кругозора, недомыслием и мелко-собственническим индивидуализмом крестьянской массы.—В 1924 г. появилась вторая повесть Ф.—«Разлив». В ней изображена приамурская деревня накануне Октября. Кучка большевиков, во главе с председателем волостного земства, Неретиным, борется с деревенской буржуазией. Борьба эта особенно обостряется в момент постигшего деревню огромного стихийного бедствия—разлива реки. Организованность и активность, которую проявляют большевики в деле спасения

деревни от этого бедствия, отдают последнюю в их руки. Интерес и ценность повести—в художественном изображении «нарастания, маневрирования и столкновения классовых сил» в деревне в революционную эпоху.—Обе повести привлекли внимание критики и читателей к молодому писателю, проявившему в них четкое пролетарское миросозерцание, способность к вдумчивому социологическому и психологическому анализу, а также недюжинные творческие данные в области художественного изображения. Однако, настоящего и единодушного признания Ф. достиг только с опубликованием своего последнего крупного произведения—повести «Разгром», появившейся отдельным изданием в 1927 г. Эта повесть сразу поставила своего автора в ряды наиболее одаренных и обнадеживающих пролетарских писателей нашего времени.

II. Главные произведения.

„РАЗГРОМ“.

Роман Изд „Прибой“ 1927. Стр. 214

Сюжет романа Ф.—борьба и гибель сибирского партизанского отряда—роднит его со многими другими произведениями нашей послереволюционной литературы и в первую очередь с партизанскими повестями Вс. Иванова. Но разработка этого сюжета получила у Ф. совершенно иной характер, чем у большинства остальных писателей. Две особенности, прежде всего, отличают «Разгром» от многочисленных произведений, посвященных гражданской войне и партизанщине. Это, во-первых, реалистическая трезвость изображения, отсутствие приподнятости и пафоса, во-вторых, уклон к углубленному психологизму, установка на всесторонний и конкретный показ живой человеческой личности во всей ее сложности и индивидуальном своеобразии. Основная тема, на которой построено все произведение, это тема

о рождении нового человека, «прекрасного, сильного и доброго человека», выковываемого в горниле пролетарской революции, в суровой борьбе и мучительных противоречиях нашей эпохи.—Из людей, изображенных в романе, больше всех приближается к образу такого человека начальник партизанского Левинсон. Это—яркая и интересная фигура, один из лучших портретов коммунистов в нашей литературе. Выходец из еврейской мещанской среды, «неказистый на вид» интеллигент, он «беспощадно задавил в себе... все, что осталось в наследство от ущемленных поколений». Читатель уже в начале романа застает его стойким и выдержанным большевиком, мужественным бойцом, талантливым, чутким и гибким военачальником. После большой внутренней работы над собой он научился «видеть все так, как оно есть, для того, чтобы изменять то, что есть, и управлять тем, что есть». Он пользуется огромным авторитетом и любовью среди партизан, которые беззаветно подчиняются его железной воле и доверяют его мудрости и опыту. Из конфликтов, которые иногда возникают между ним и отдельными непокорными бойцами, он неизменно выходит победителем, не останавливаясь, если это нужно для сохранения боевой дисциплины, перед суровыми и жестокими мерами. Органическая связь с отрядом, полное слияние с руководимым коллективом, сосредоточение в своей душе всех его устремлений и интересов—главный источник силы Левинсона, как вождя и начальника. Изображение положительных типов, подлинных героев представляет обычно большую трудность для писателя. Такие герои получаются либо безжизненно-схематичными, либо лубочно-ходульными. Ф. в значительной мере преодолел эту трудность, снизив и «очеловечив» героичность Левинсона, разложив ее на простые элементы, раскрыв, так сказать, ее «механизм» и показав, как она естественно вырастает из почвы будничных чувств. С другой стороны, он показывает нам своего героя и в минуты слабости, болез-

ни, сомнения в силах и победе, скрываемой от окружающих растерянности, показывает его страдания и слезы,—и все это приближает к нам Левинсона, делает его образ жизненным и убедительным, одевает его в плоть и кровь живого, страдающего и борющегося человека.— Из других действующих лиц романа наиболее полно охарактеризованы Мечик, Морозко и Варя. Все трое переживают тяжелую внутреннюю борьбу: с мучительными усилиями пытаются они преодолеть в своей душе наследие прошлого, пережитки старой психологии, но эта борьба и эти усилия заканчиваются для всех троих неудачей—ни один из них не выбирается на дорогу «нового человека». Бывш. гимназист Мечик, несмотря на некоторую двойственность, допущенную автором в обрисовке этого образа, в конечном счете предстает перед читателем, «как беспочвенный, рыхлый, никудышный интеллигент, лишний и мелкий человечек» (Лежнев). Оторванный от действительности мечтатель, он совершенно беспомощен в практической жизни, труслив, безволен, малодушен. В отряде, куда его привел порыв романтического увлечения, он чувствует себя одиноким и затравленным. Боясь своих товарищей и заискивая перед ними, он в то же время в глубине души смотрит на них с интеллигентским высокомерием и считает их гораздо ниже себя. Он сознает, правда, свои недостатки и искренно хочет перевоспитаться, стать настоящим, смелым партизаном, но прошлое сидит в нем слишком крепко, и из его перерождения ничего не выходит. Свое пребывание в отряде он кончает предательским бегством. Полная противоположность Мечику—Морозко. Лихой партизан в настоящем, сучанский шахтер в прошлом, Морозко по своей психологии близок к наиболее осталым слоям рабочего класса, граничащим с люмпен-пролетариатом. От пролетария—в нем классовое чутье, спайка с коллективом. От люмпена — неустойчивость, темнота, отрицательные бытовые навыки. Интерес этой личности заключается в ее инстинктивном стремлении

выйти на «прямую, ясную и правильную дорогу». Сперва под воздействием переживаемой им личной драмы (разрыв с женой), потом под влиянием среды и в особенности одного из товарищей—сознательн. рабочего—он начал было выпрямляться, «приобщаться к осмысленной и здоровой жизни», но навыки прошлого оказы зываются все же сильней и заглушают в его душе ростки «нового человека». Такую же трагедию переживает и жена Морозки—Варя, которая тоже хочет выбиться «на правильную дорогу». Она тяготится грубой и распутной жизнью, которую ведет с юности. В Мечике—чистеньком и красивом, столь непохожем на тех мужчин, в об'ятиях которых ей приходилось бывать до сих пор, она видит надежду на свое перерождение, на приобщение к красивой и чистой жизни. Но ей приходится горько разочароваться: Мечик — жалкий пустоцвет, он ничего не умеет ей дать, не умеет даже оценить ее порыва. «Вот и конец, и все обернулось постарому, будто и не было ничего. Снова по старой тропке, одну и ту же лямку—и все к одному месту.... Но боже ж мой, как мало в том радости»...—Обрисовка характеров, приемы психологического анализа, методы реалистического показа людей, событий, природы, наконец, стиль и манера письма с несомненностью обнаруживают влияние Льва Никол. Толстого, являющегося, очевидно, «властителем дум» молодого писателя. Несмотря на то, что это влияние сказывается порой с чрезмерной силой, заслоняя собственный облик автора, несмотря также на ряд недостатков и неудачных мест (например, ходульный и неубедительный образ пастуха Метелицы), повесть Ф., по единодушному признанию критики, является «победой на фронте нашей пролетарской литературы» (Фриче). Вплотную подходит здесь Ф. к центральной задаче, стоящей перед ней на данном этапе ее развития,—задаче глубокого и всестороннего изображения живого человека нашей эпохи.

См. также:

Против течения (Сод.: «Против течения» и «Разлив»). «Прибой». Л. 1927. Стр. 142.

III. Критика.

Фричо В. — Литературные заметки. Повесть о новом человеке. «Правда». 1927. II/V № 104.

Лежнев А. — О «Разгроме» Фадеева. «Новый Мир». 1927. VIII.

Правдухин В. — Молодое вино (О романе А. Фадеева «Разгром»). «Красная Новь». 1927. V.

Якубовский Г. — Чем волнует «Разгром». «Молодая Гвардия». 1927. VII.

Воронский А. — Старое и новое. «Прожектор». 1927. № 7.

Зонин А. — Пролетарский реализм («О «Разгроме» А. Фадеева). «На литературном посту». 1927. VII и VIII.

Ш—н З. — А. Фадеев «Разгром». «Звезда». 1927. IV.

Либединский Ю. — Художник-большевик (Фадеев «Разлив»). «Октябрь». 1924. IV.

Машбиц-Веров И. — О гражданской войне по нашему (Фадеев. «Против течения»). «На литературном посту». 1926. I.

Лелевич Г. — Литературные очерки. А. Фадеев. «Молодая Гвардия». 1926. IV.

ФЕДИН Константин Александрович.

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1892 г. в Саратове. Отец происходил из крестьян, дед был крепостным. Мать — дворянка. Учился сперва в саратовском, потом в козловском коммерческом училище. Высшее образование получил в московском коммерческом институте. В 1914 году был застигнут войной в Германии и задержан немцами, как гражданский пленный. В бытность в плену был музыкантом, хористом, актером, учителем русского языка. Вернулся из плена в Россию только в конце 1918 г. В 1918—1921 г.г. работал в Москве, Сызрани, Ленинграде в разных организациях и учреждениях, служил в Красной армии, редактировал газеты и журналы. В 1921 году М. Горький ввел Ф. в литературное содружество «Серапионовы братья». В 1922 г. вышла пьеса Ф. «Бакунин в Дрездене». В том же году на конкурсе писателей был премирован его рассказ «Сад». В 1923 г. появилась повесть «Анна Тимофеевна», а в 1924 г.—большой роман «Города и годы». Эта вещь создает Ф. широкую литературную известность.—Из последних произведений Ф. внимание читателей и критики было привлечено к рассказу «Трансваль» (1926), в котором выведена крайне своеобразная и колоритная фигура кулака-колониста Сваакера, представителя нарождающейся у нас новой сельской буржуазии,—властного и предприимчового человека, эксплоатирующего бедноту и в то же время выступающего как-бы организатором и руководителем ее, мечтающего окультурить

и электрифицировать всю округу, чтобы «народ честно работал и делал счастливую жизнь». В журнале «Звезда» за 1927 г. печатается новый большой роман Ф. «Братья».

II. Главные произведения.

„ГОРОДА и ГОДЫ".

Роман Собр соч т. II 3-е изд „Прибой" Л. 1927. Стр. 470.

Следуя смелому замыслу автора, роман охватывает бурный период с 1914 по 1921-й год, насыщенный величайшими историческими событиями. Перебрасывая действие из России в Германию, Ф. проводит своего читателя через картины империалистической войны, германской революции, революции и гражданской войны в России. Москва, Петроград, уездная глушь средней России, провинциальные городки Баварии и Саксонии в «переставленных главах» романа проходят, как на кинематографическом экране.—На этом грандиозном историческом фоне развертывается личная драма главного героя романа—русского студента, застрявшего во время войны в Германии, Андрея Старцова. Старцов—типичный русский интеллигент, прямой потомок прежних поколений российской интеллигенции (тургеневских «лишних» людей, героев Достоевского и Толстого). Трагедия этого человека заключается в том, что его, мягкосердечного и любвеобильного, история бросила в самую гущу жестоких и кровавых событий, в самое пекло беспощадной, смертельной борьбы народов и классов. Боязнь активного вмешательства в эту борьбу, боязнь насилия, желание не пролить ни одной капли крови и не раздавить ни одного цветка, страх перед ответственностью за ужасы, творящиеся в мире, заставляют Старцова сторониться от происходящих вокруг него событий, а это приводит его к полной обособленности, отчужденности, одиночеству, оторванности от коллекти-

ва. Война и революция не прошли, конечно, бесследно для этого человека. Чуткая совесть подсказала ему, на чьей стороне правда. Он искренне и горячо сочувствует трудящимся в их освободительной борьбе. Но личная жизнь преобладает у него над общественной: «война, революция, кровь, борьба», а у него любовь, и к нему «жаркими ночами кралась Мари». Характер Андрея особенно ярко вырисовывается в романе при сопоставлении его с характером второго героя—немца Курта Вана. Железная воля, непоколебимая твердость, неустрашимая последовательность этого человека резко оттеняют душевную дряблость, размагниченность, неустойчивость его друга. Двойное предательство Старцова (измена революции и измена любимой женщине) есть тот естественный результат, к которому его приводит с фатальной неизбежностью весь его образ действий. Казненный рукой своего друга, он сходит со страниц романа, как «осколок старого мира, как страдающая ненужность».—Кроме Андрея Старцова и Курта Вана, в романе выведено множество других лиц: типы немецкой интеллигенции и бюргеров, русские коммунисты, обыватели, солдаты, крестьяне и т. д. В этой портретной галлерее особенно замечательна фигура Федора Лепендина, являющегося, как-бы вторым изданием толстовского Платона Каратаева, с которым его роднит душевное здоровье, цельность натуры, добродушие, оптимизм. Живущий в XX-м столетии, в эпоху войн и революций, в эпоху великих социальных и политических сдвигов, пробудивших самосознание и активность трудящихся масс, Лепендин приобрел, однако, много таких свойств, которых не было вномине у его исторического прототипа: инициативу, готовность к борьбе, умение отстаивать свои интересы и интересы своих товарищей.—Среди богатейшего бытового и исторического материала, заполняющего страницы «Городов и Годов», наибольшей ценностью отличаются главы, которые изображают картины тыловой жизни военной Гер-

мании, ноябрьские события 1918 года, возвращение на родину русских военно-пленных, Петроград в дни наступления Юденича, крестьянское восстание в эпоху продразверстки и т. п.—В идеологическом отношении роман Ф. не свободен от серьезных недостатков. Ярко вскрыв перед читателем всю бесчеловечность и дикую бессмылицу войны, Ф. не умеет заразить его пафосом революции. Революционная Россия изображается в романе с большой долей пессимизма: он видит в ней, прежде всего, жуткие картины обнищания и проходит мимо здорового, бодрого быта революции. На широком полотне романа не нашло себе места изображение рабочего класса, который остается как-бы вне поля зрения автора.—Художественное оформление «Городов и Годов» свидетельствует о большом литературном даровании Ф. Роман подкупает читателя свежестью и яркостью языка, смелостью и новизной изобразительных средств, мастерством характеристик и описаний. Строение романа с его «переставленными» главами представляется спорным и, во всяком случае, затрудняющим его восприятие для недостаточно искушенного читателя. К недостаткам произведения критика относит также мелодраматизм интриги и ходульность некоторых образов, показанных черезчур внешне и с уклоном в театральную эффектность (Мюлен Шенау, отчасти Курт и Мари).—Все-же «Города и Годы», благодаря широте захвата, богатству и разнообразию материала, оригинальности и матерству художественной обработки, представляют собой выдающееся явление в послереволюционной литературной жизни.

См. также:

«Пустырь. Повести и рассказы. Собр. соч. т. I. Изд. 2-ое. «Прибой». Л. 1927. Стр. 270.

«Трансваль». Повести и рассказы. Собр. соч. т. III. «Прибой». Л. 1927. Стр. 222.

III. Критика.

Лежнев А. — Федин. «Города и Годы». «Печать и революция». 1925. II.

Белинький Н. — Федин. «Города и годы». «Красная Новь». 1925 V.

Машбиц-Веров И. — Федин. «Города и годы». «Новый Мир». 1925. IV.

Не-Критик. — Роман лишнего человека. «Звезда». 1925. I.

Колесникова А. — Федин. «Города и годы». «На посту». 1925. I.

Авербах Л. — На распутьи. «На посту». 1925. I.

Терещенко. — Философия эротизма и диалектика живого опыта. «Звезда». 1925. III.

Вешнев В. — Константин Федин. Литературный портрет. «Новый Мир». 1925. IX.

Шагинян М. — К. Федин. «Россия». 1924. II.

Дынник В. — Переставленные главы. «Красная Новь». 1925. IX.

Вржосек С. — Творчество К. Федина. «Звезда». 1927. II.

Оксенов И. — К. Федин. «Трансвааль». «Звезда». 1927. III.

Мирецкий П. — Вне социальной среды. («Трансвааль»). «На литературном посту». 1927. IV.

Селивановский. — Призрак Сваакера. «На литературном посту». 1927. XIV.

Коган П. — Красная армия в нашей литературе. Федин.

Евгеньев-Максимов. В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября. в) Федин.

ФУРМАНОВ Дмитрий Андреевич.

I. Краткие сведения о жизни и творчестве.

Родился в 1891 г. Учился сперва в городском шестиклассном в Иваново-Вознесенске, там же в торговой школе, потом в Кинешме за 3 года окончил 5, 6 и 7 классы реального училища. Высшее образование получил в московском университете по филологическому факультету. Война помешала сдать государственные экзамены: ушел на фронт в качестве брата милосердия. Революция застала Ф. в Ив.-Вознесенске, где он в то время, вернувшись с фронта, преподавал на рабочих курсах. После кратковременного периода максималистских и анархических увлечений начал работать в Совете Рабочих Депутатов (товарищем председателя), а с 1918 г. вошел в РКП. После этого работал секретарем губкома партии и членом губисполкома. С началом гражданской войны ушел на фронт вместе с отрядом Фрунзе. С именем Ф. связан ряд блестящих страниц героической эпопеи Красной Армии: поход Чапаевской дивизии, освобождение Туркестана, борьба за Кубань. Партия поручала ему один за другим ответственнейшие посты: комиссара Чапаевской дивизии, начальн. политуправления Туркестанск. фронта, нач. политотдела Кубанской армии. После ликвидации фронтов в 1921 г. Ф. возвратился в Москву с контуженной ногой и орденом Красного Знамени. Огромный запас фронтовых впечатлений заставил вчерашнего бойца и комиссара взяться за перо писателя. Ф. писал и прежде; начиная с 1917 г. и в течение всей гражданской войны он со-

трудничал во многих газетах и журналах, главным образом, в качестве публициста. С возвращением в Москву он начинает работать в литературном отделе Реввоенсовета, в Высшем Военном Редакционном Совете, в Госиздате. Одновременно он приступает к художественному творчеству: пишет «Красный десант», «В восемнадцатом году», «Чапаев», «Мятеж» и др. В разгаре творческой работы его постигает тяжелая болезнь, и 15-го марта 1926 г. он умирает.—Произведения Ф. в простой и безыскусственной форме полумемуарного-полубеллетристического повествования воспроизводят картины гражданской войны, героические образы вождей и бойцов Красной Армии, фронтовой быт и т. д. Они сразу завоевали горячие симпатии широкого читателя и затмили своим успехом многие произведения квалифицированных и зарекомендованных профессионалов-писателей. «И когда пристрастные критики говорят о том, что в этих произведениях мало искусства, хочется сказать, что это больше, чем искусство, ибо это живые куски жизни, закрепленные в литературе, вырванные из потока прошлого». (Полонский).

II. Главные произведения.

„ЧАПАЕВ“.

Собр соч. т I 5-е изд ГИЗ. М.-Л 1927 Стр 366

Автор назвал эту книгу «очерком, составленным по материалам записной книжки и некоторым личным воспоминаниям» и предупреждал читателя, что «на признание художественности отделки не претендует». Но вопреки его ожиданиям, этот непритязательный очерк занял одно из самых видных и почетных мест среди художественных произведений, посвященных гражданской войне. По своему содержанию «Чапаев» — своеобразная мемуарная эпопея о жестокой борьбе Красной Армии с Колчаком и уральскими казаками. В центре

повествования — героические боевые подвиги прославленной «железной» дивизии и ее знаменитого командира Чапаева. Эта дивизия составилась из крестьянских добровольческих отрядов, возникших в степном краю по границе Самарской губернии и Уральской области и имевших своей первоначальной целью охрану и защиту родных сел. «Социальная природа чапаевщины — это бунт среднего и бедного крестьянства против помещичьей опасности». (Лелевич). Сам Чапаев вырастает под пером Ф. в красочную и могучую фигуру вождя этой крестьянской повстанческой массы. «Обыкновенный человек, сухощавый, среднего роста, видимо, небольшой силы» — он в то же время исполнен какой то покоряющей мощи, неотразимо действующей на массу. Почти безграмотный, политически неразвитый, малосознательный, кичащийся своим невежеством, порою нестерпимо самодовольный, снедаемый честолюбием, самодур и анархист — Чапаев одновременно умен, ловок, находчив, тонкий стратег, отчаянный храбрец, бунтарь, ненавидящий богачей и помещиков и умеющий зажечь этой ненавистью идущую за ним и послушную ему массу. Главная сила этого человека — в нерасторжимой связи с окружающей его средой, в том, что он — плоть от плоти и кость от кости руководимой им массы, в том, что его веления и приказы есть лишь оформление тех глухих желаний и смутных требований, которые бродят в ней самой. Отсюда типичность Чапаева. Он — «лишь один из множества, каких выдвинула народная масса. Он — герой, но его черты повторяет рядовой партизан и красноармеец. Не потому ли Чапаев и оказался героем этой массы — что был, в сущности, лишь самым ярким, самым толковым, самым образцовым ее представителем». (Полонский). — Социальный замысел «Чапаева», красной нитью проходящий через всю книгу, состоит в изображении того процесса, каким анархически-партизанствующее крестьянство, темная, мелкобуржуазная крестьянская масса подчиняется организо-

ванной воле пролетариата, руководству его коммунистического авангарда и превращается в могучую вспомогательную силу революции. Этот процесс показан прежде всего на примере самого Чапаева, который из анархиста и бунтаря становится пд влиянием твердого и энергичного комиссара настоящим коммунистическим бойцом. Этот же процесс вскрыт и во всей истории чапаевской дивизии, которая из бесформенных партизанских отрядов превращается под коммунистическим руководством в железную когорту Красн. армии.—Художественности «Чапаева» вредит обилие сырого документального и архивного материала, недостатки построения и словесной отделки. Но, несмотря на это, книга читается с захватывающим интересом, и, не говоря уже об ее исторической и общественной ценности, которую она имеет, как памятник героической эпохи гражданской войны, она волнует и покоряет читателя неотразимой силой художественной простоты и глубокой жизненной правды. Насыщенная заразительным оптимизмом, проникнутая глубоким и напряженным чувством, она в то же время является «незаменимым источником революционной романтики» (Лелевич), что заставляет ее особенно рекомендовать для рабочей молодежи.

„МЯТЕЖ".

Собр соч т. II. 4-е изд. ГИЗ М.-Л. 1927 Стр 440.

Далекая Семиреченская окраина в один из самых острых моментов гражданской войны — в 1920 г. Советская власть испытывала там особые затруднения, вследствие сложности и запутанности местных отношений. Край разорен. Между двумя основными группами населения — русскими крестьянами и киргизами-кочевниками — идет борьба на почве противоречивых экономических интересов. Те и другие с недоверием и враждой относятся к прибывшим из Москвы коммунистам, видя в них постороннюю и чуждую им силу, вме-

шивающуюся в их жизнь. Киргизы еще не изжили своего старого представления о русских, как носителях национального угнетения. По краю бродят еще остатки белых армий (анненковцы, щербаковцы и др.). В этой напряженной и острой обстановке вспыхивает бунт войска, состоящего из местных жителей и требующего демобилизации. «У каждого свой зуб против советской власти: кто за то, что от дома против воли послан на фронт, кто за разверстку, кто хочет отомстить трибуналу, кого не обули во время, кому помешали хапнуть, кому не люб сам новый строй». Маленькая группа коммунистов — высший комсостав — очутился лицом к лицу с повстанцами, которые заняли крепость и стали хозяевами положения. Неравенство сил и желание избежать кровопролития вынуждают представителей власти вести сложную игру: агитация, угрозы, уступки — все пускается в ход для расслоения гарнизона и ликвидации восстания. Как всегда, коммунисты проявили в эти тяжелые минуты «удивительную приспособляемость, гибкость, учет окружающей обстановки» и этим победили. Восстание удалось почти бескровно ликвидировать. «Полки, которые было надо перебросить из Семиречья, перебросили. Кулачье семиреченское притихло, убедившись, как трудно бороться с Советской властью, как дорого обходятся попытки свалить ее с ног». Основная идея повести заключается, таким образом, в неизбежном торжестве пролетарской организованности и выдержки над бунтующей крестьянск. стихией.— Представляя собой правдивое и обстоятельное изложение семиреченских событий, повесть Ф. отличается глубиной марксистского анализа, чуткостью психологического проникновения в переживания массы и отдельных лиц, любовным и гуманным отношением к темным, малосознательным людям, не умеющим понять, где их друзья и враги и куда ведут их поступки. Первая часть повести дает общую картину Семиречья и охватывает социально-экономический и быто-

вой уклад этого края во всей его пестроте и противоречиях. Вторая часть посвящена изображению самого мятежа и изобилует сценами, насыщенными волнующим драматизмом. Тон, каким излагаются события, — спокойный, сосредоточенно-вдумчивый, без всяких выкриков, без сгущения красок. Несколько загромождают книгу многочисленные документальные материалы, которыми автор старательно сопровождает свое изложение, местами и без того грешащее растянутостью.

См. также:

Пожары. — Очерки и рассказы. Собр. соч. т. III 2-ое изд. ГИЗ. М.-Л. 1927. Стр. 448.

III. Критика.

Луначарский А.—О «Чапаеве». «Окт.» 1925, I.

Коган П. — Дмитрий Фурманов. «Печать и революция». 1926. III.

Коган П. — Красная армия в нашей литературе. Фурманов.

Полонский В. — Критические заметки. Фурманов. «Новый Мир». 1927. IV.

Полонский В. — Памяти Фурманова. «Новый Мир». 1926. II.

Мануильский.—Фурманов—коммунист - литератор. «Октябрь». 1927. III.

Якубовский Г. — Дмитрий Фурманов. «Октябрь» 1926. III.

Ревякин А. — Пролетарский художник-мемуарист Д. А. Фурманов. «Молодая Гвардия». 1926. V.

Лелевич Г. — Фурманов «Чапаев». «Печать и революция». 1923. VI.

Машбиц-Веров И. — Фурманов. «Чапаев». «Мятеж». «Новый Мир». 1925. X.

Полянский В. — Фурманов. «Мятеж». «Печать и революция». 1925. V—VI.

Зонин А. — Фурманов. «Мятеж». «Октябрь». 1925. III—IV.

Е. Т. — О Фурманове. «Молодая Гвардия». 1927. IV.

Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейшей русской литературы. IV. Послеоктябрьский период. Худож. проза после Октября. з) Фурманов.

II.

УКАЗАТЕЛЬ ПОСОБИЙ ПО СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

I. Биография и библиография.

1. Витман А. М., Покровская (Хаимович) Н. Д. и Эттингер М. Е. — Восемь лет русской художественной литературы. (1917—1925). Библиографический справочник. ГИЗ. М.-Л. 1926. Стр. 379.

Содержание:

I. Предисловие редактора. 2. От составителя. 3. Библиография. (авторы, их произведения, рецензии и критика). 4. Семинарий. (I. Революция. II. Деревня Ш. Поэзия рабочего класса IV. Интеллигенция. V. Женщина и ребенок. VI. Темы современности. VII. Литературные влияния и связи. VШ. Вопросы стиля IX. По вопросам композиции). 5. Указатель авторов.

2. Владиславлев И. В. — Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX—XX столет. 4-е перераб. и значит. дополн. издание. ГИЗ. М.—Л. 1924. Стр. 445.

Содержание:

Предисловие к 4-му изданию. Предисловие ко 2-му изданию Часть 1-ая. Алфавитный указатель. 1. Художественная литература а) беллетристы, б) поэты. 2. Критики и публицисты 3. История литературы. Часть 2-ая Систематический указатель (по эпохам), в связи с историческими и историко-литературными материалами 1. Первая четверть XIX в 2 Вторая четверть XIX в 3 60-е и 70-е годы. 4 90-е годы 5. 900-е годы. Приложение 1 Литература революционного периода 2 О пролетарском творчестве 3. Вопросы поэтики Условные сокращения. Общий указатель авторов

3. Литературная Россия. — Сборник современной русской прозы. Под редакцией Вл. Лидина. 1. «Новые вехи». М. 1924. Стр. 404.

Содержание.

От составителя А. Белый Ремизов Буданцев. Григорьев. Замятин. Зозуля. Зощенко. Вс Иванов Касаткин Катаев Козырев. Леонов. Лидин Ляшко. Малышкин. Неверов. Никитин Новиков-Прибой. Пильняк. Романов Сейфуллина Слезкин Соболь. Федин. Форш. Шагинян. Эренбург. Яковлев. (Портреты, автобиографии, библиография, образцы творчества)

4. Мандельштам Р. С. — Художественная литература в оценке русской марксистской критики. Редакция Н. К. Пиксанова. Изд. 3-е, переработанное. ГИЗ. М. 1925. Стр. 166.

Содержание.

От редактора. От составительницы. I. Русская литература. 1) Указатель критиков 2) Указатель авторов. II Всеобщая литература. 1) Указатель критиков. 2) Указатель авторов. III. Краткая хронологическая таблица.

5. Мацуев Н. И. — Художественная литература русская и переводная. 1917—1925 г.г. Указатель статей и рецензий. Изд. книжно-библиотечных работников Беловской, Мацуева, Пруссака. Москва—Одесса. 1926. Стр. 171.

Содержание.

От издателей. Предисловие. I Указатель статей и рецензий. II. Критики и рецензенты. Ш. Авторы IV. Издательства. V. Главнейшие пособия по литературе. Примечания.

6. Никитина Е. Ф. — Русская литература от символизма до наших дней. Литературно-социологический семинарий. Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники». М. 1926. Стр. 544.

Содержание

Предисловие Н. К. Пиксанова. От автора. I. Темы. 1) Вопросы методологии и критики. 2) Вопросы поэтики. 3) Поэты. 4) Беллетристы. II. Био-библиографический словарь. III. Синхронистические таблицы.

7. Писатели — Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под редакцией Вл. Лидина. Книгоиздательство «Современные проблемы». М. 1926. Стр. 372.

Содержание

Горький. Аросев Бабель. Бибик. Белый. Буданцев. улгаков Вересаев. Веселый Волков Гладков. Григорьев. Грин. умилевский. Демидов Евдокимов. Замятин. Зозуля Зощенко. Иванов. Каверин Касаткин. Козырев. Крептюков. Лавренев. Леонов. Лидин. Лунц. Ляшко. Малышкин Неверов. Низовой. Никитин. Новиков. Новиков-Прибой. Огнев. Окулов. Пастернак. Пильняк. Под'ячев. Пришвин. Романов. Свирский. Сейфуллина. Семенов. Серафимович Слезкин Слонимский Соболь. Сухотин. Телешов. Толстой. Тренев. Федин. Форш. Фурманов. Чапыгин. Чулков. Четвериков Шагинян. Шишков. Эренбург. Яковлев. (Портреты, автобиографии, библиография).

II. Критика.

1. Воронский А. — На стыке. Сборник статей. ГИЗ. М.—П. 1923. Стр. 352.

Содержание.

Литературные отклики. Из современных литературных настроений. Литературные силуэты: Замятин Вс. Иванов. Пильняк. В тисках. Страда. По поводу одного спора. На новом пути Г. Уэльс. о Советской России. Об отшельниках, безумцах и бунтарях. Из одного дневника Стихийный большевизм. Песни северного рабочего края. Г. В. Плеханов. Литературная хроника. Советская Россия в освещении белого обозревателя. Старческое слабоумие. Похмелье. От народнического утопизма к контр-революционной кулацкой идеологии Социал-демократическое мещанство. Распад идеологии

2. Воронский А. — Искусство и жизнь. Сборник статей «Круг». М.-П. 1924. Стр. 327.

Содержание:

I. Искусство и жизнь. «Искусство, как познание жизни, и современность. О хлесткой фразе и классиках. На перевале. О пролетарском искусстве и художественной политике нашей партии. На попятный двор. О группе писателей «Кузница». Об альманахах «Круг» В вечных боях. О писателе и читателе. На одре страданий Цивилизаторы. II Из современных настроений. По поводу одной встречи На платформе затяжного характера советской власти. III. Белая пресса. Обреченные. Милюков и русская революция. Почему они погибли. Православные и эсеры IV. Полити-

ческие силуэты Россия, человечество, человек и Ленин. Ленин. Товарищ Фрунзе Петлюра. Савинков. V. Арабески. Новые скрижали. Коммунизм, как идеал рабочего класса. Человеческое, слишком человеческое. Дым отечества. Вещи и люди.

3. Воронский А. — Литературные записи. Артель писателей «Круг». 1926. Стр. 167.

Содержание:

I. Фрейдизм и искусство. Об искусстве. О том, чего у нас нет Кнут Гамсуна Пролазы и подхалимы. Докука писательского быта. Художественная литература и рабкоры. О критике и библиографии. Вне жизни и вне времени. Советская литература и белая эмиграция. II. Об отошедшем. Памяти Есенина. М. В. Фрунзе Л. М. Рейснер. В. Г. Короленко.

4. Воронский А. — Литературные типы. 2-е издание дополненное. Артель писателей «Круг». 1927. Стр. 269.

Содержание

Предисловие. I. Замятин Пильняк. Бабель. Иванов. Леонов. Сейфуллина. О группе писателей «Октябрь» и «Молодая Гвардия». О «Перевале» и перевальцах. II Есенин Маяковский. Д. Бедный.

5. Горбачев Г. — Очерки современной русской литературы. ГИЗ. Л.-М. 1925. 2-е дополнен. издание. Стр. 218.

Содержание:

Предисловие к 1-му изданию. Предисловие ко 2-му изданию. Введение. Русская литература накануне революции. I. Пережившие себя. II. Необуржуазная художественная литература. III. Б. Пильняк. IV. Серапионовы братья. V. Н. Тихонов. VI. В. Маяковский. VII. Революционная художественная проза

6. Горбачев Г. — Два года литературной революции. Критические и полемические статьи 1924—1926 гг. Раб. изд. «Прибой». Л. 1926. Стр. 200.

Содержание:

Предисловие. На переломе—вместо введения (эволюция русской литературы за 1924—25 г.г.). Пролетарская художественная проза и наша современность. Основные черты творчества

Либединского. Ляшко, как пролетарский писатель. Новеллы Бабеля. Творчество Лавренева. Чапыгин. Памяти Брюсова. Троцкий, как литературный критик и проблемы пролетарской литературы. Единый фронт буржуазной реакции.

7. Клейнборт Л. М. — Очерки народной литературы. (1880—1923 г.г.). Беллетристы. Факты, наблюдения, характеристики. Изд. «Сеятель». Л. 1924. Стр. 312.

Содержание:

От автора. Часть 1-ая. I. Зачинатели. 2. Бедность несмелая. 3. Сивачевщина. 4. Во глубине России. 5. Беллетристы рабочей прессы. Часть 2-ая. 6. Первый вклад (Чапыгин и др.). 7. О них же. 8. Новые силы (Новиков-Прибой и др.) 9. О них же. 10. Вс. Иванов 11. Металлическая тема. (Бибик и др.). 12 О них-же. 13. Народная пьеса.

8. Коган П. С. — Литература этих лет. 1917—1923. Книгоиздательское Т-во «Основа». Ив.-Вознесенск. 1924. Стр. 148.

Содержание:

Глава 1-ая. О бактериологических бомбах, о войне, литературе и о разных вещах Гл. 2-ая. Об истинном конструктивизме. Об одном воззвании и о Д. Бедном. Гл. III. Об умирающих мыслях и чувствах, о Вяч Иванове, Бальмонте, о борьбе А Белого с брюнетом в котелке, об епископе обезьянском Замятина, о скоморохах Ремизова, о плаче Чуковского над Блоком и о 19-ти других поэтах и поэтессах. Гл. IV. О Блоке. Гл. V. О романе одной княгини и чекиста, об Илье Эренбурге, о Хулио Хуренито, о композиторе Крысе, победившем Ленина, и о гимназисте, стоявшем на коленях перед девушкой. Гл. VI. О внимании поэтов к чекистам, об усталости Аросева, о принце Гомбугском, о жизни и гибели Николая Курбова, о «Шоколаде» Тарасова-Родионова и о шоколаде вообще. Гл. VII. О жизни и платформе Серапионовых братьев, о триумфе беллетристики и поражении лирики, о глазах, которыми смотрит Пильняк, о Вс. Иванове и о «Перегное» Сейфуллиной. Гл. VIII. Об Есенине, о деревне и городе. Гл. IX О «Лефе», о формалистах, Жирмунском и Маяковском.

9. Коган П. С. — Пролетарская литература. «Основа». Ив.-Вознесенск. 1926. Стр. 115.

Содержание:

I. До Октября. II. Эпоха «Кузницы». III. Эпоха «Октября». IV. О Молодой Гвардии. V. Теория и критика.

10. Коган П. С. — Красная армия в нашей литературе. Военный Вестник. М. 1926. Стр. 141.

Содержание:

Красная армия в лирике. Фурманов. Малышкин. Серафимович. Новиков. Гладков. Аросев. Бабель. Д. Бедный. Либединский. Вс. Иванов. Костерин. Лавренев. Федин. Яковлев. Березовский. Артем Веселый.

11. Лежнев А. — Вопросы литературы и критики. Изд. артели писателей «Круг». М—Л. 1926. Стр. 215.

Содержание:

1. Из истории марксистской критики. Плеханов, как теоретик искусства. Плеханов и современная критика. Ленин и искусство. «Леф» и его теоретические обоснования. Пролеткульт и пролетарское искусство. О книге Чужака «Литература». О книге Горлова «Футуризм и революция». II. О «Перевале». Есенин. Сейфуллина. Эренбург, нигилист и романтик. «Барсуки» Леонова. Последние произведения М. Горького.

12. Полонский В. — Уходящая Русь. Статьи об интеллигенции. 1920—24 г. г. ГИЗ. М-Л. Стр. 198.

Содержание:

Предисловие. 1. К вопросу об интеллигенции. 2. Искатели об'ективной истины. 3. На распутьи. 4. Русский обыватель в эпоху революции. 5. Новые похождения Ивана Наживина. 6. Человек в маске. 7. Записки эмигранта. 8. Исповедь лишнего человека. 9. Метаморфозы. 10. Обреченные. 11. Русская революция в изображении беллетриста-эмигранта. 12. Интеллигенция и революция в новом романе Вересаева. 13. Заметки о культуре и некультурности.

13. Полянский В. (П. И. Лебедев). — Вопросы современной критики. ГИЗ. М-Л. 1927. Стр. 351.

Содержание:

От автора. Вопросы современной критики. Ленин и литература. Ленин и литературная критика. Механика творчества и ли-

тературная критика. Идеологический анализ. Статья 1-я. Идеологический анализ. Статья 2-я. Идеологический анализ. Статья 3-я. Социологический метод проф. Сакулина. Историко-материалистический метод проф Келтуяллы. «Писатели об искусстве и о себе». «Серапионовы братья». Социальные корни русской поэзии от символизма до наших дней. О В. Брюсове. Этапы творчества Кириллова. «Железный поток» Серафимовича. Гладков. Ляшко. Либединский. Бабель. О повести Малашкина «Луна с правой стороны». Салтыков в своих письмах. К вопросу о творчестве Короленко.

14. Правдухин В. — Литературная современность. 1920—1924 г. г. ГИЗ. М. Стр. 295.

Содержание:

I. Искусство в стихии революции. II. Письма о современной литературе. III. Пафос современности и молодые писатели. IV. В борьбе за новое искусство. V. Литература о революции и революционная литература. VI. Белинский—основоположник социальной эстетики. VII. Эстетствующие политики в литературе. VIII. Литературная корь. IX. О культуре искусства. Указатель имен.

15. Троцкий Л. — Литература и революция. 2-ое дополненное издание. ГИЗ. М. 1924. Стр. 424.

Содержание:

Предисловие. Ч. 1. Современная литература. I. Внеоктябрьская литература. II. Литературные попутчики революции. III. Блок. IV. Футуризм. V. Формальная школа поэзии и марксизм. VI. Пролетарская культура и пролетарское искусство. VII. Партийная политика в искусстве. VIII. Искусство революции и социалистическое искусство. IX. О художественной литературе и политике РКП. Часть 2. Накануне. I. Между первой революцией и войной. II. Запад и мы.

16. Якубовский Г. — Литературные портреты. Писатели «Кузницы». ГИЗ. М—Л. 1926. Стр. 183.

Содержание:

«Кузница». Писатели «Кузницы». Серафимович. Неверов. Гладков. Ляшко. Бахметьев. Новиков-Прибой. Низовой. Волков. Поэзия Ив. Филиппченко. Санников. Обрадович. Полетаев. Макаров. Казин.

III. Учебные пособия.

1. Евгеньев-Максимов В. — Очерк истории новейшей русской литературы. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. ГИЗ. М—Л. 1927. Стр. 335.

Содержание:

Предисловие к 3-му изданию. Введение. I Восьмидесятые годы. Очерки: Хозяйственная жизнь и политическое положение. Общественные и литературные течения. Характеристики. Надсон. Гаршин. Чехов Короленко. II. Девяностые годы и начало 900-х годов. Очерки: Хозяйственная жизнь и политическое положение. Общественные и литературные течения. Характеристики: Вересаев. Горький. Куприн. Соллогуб. Бальмонт. Брюсов. III Предоктябрьский период 1905—1917 г.г. Очерки Хозяйственная жизнь и политическое положение. Общественные и литературные течения. Характеристики: Андреев, Блок и Белый. IV. Послеоктябрьский период. Общие вопросы литературы и искусства в послеоктябрьский период. Русская поэзия послеоктябрьского периода. Художественная проза после Октября. Послесловие. Библиография.

2. Кубиков И. Н. — Рабочий класс в русской литературе. Изд. 3-е, вновь переработанное и дополненное. «Основа». Ив.-Вознесенск. 1926. Стр. 347.

Содержание:

Предисловие к 3-му изданию. Предисловие ко 2-му изданию. (Гл. гл. I—XII посвящены до-революционной литературе). XIII. Вересаев. XVI. Горький. XIX. Серафимович. XXIII. Рассказы Ляшко. XXIV. Рабочая жизнь в поэзии. XXV Рассказы Яковлева. Страницы из повести Либединского «Неделя». Роман Семенова «Голод». Его же повесть «Копейка». XXVI. Рассказы Костерина, Анищенко, Пелова, Решетникова. XXVII. Рассказы Никифорова. XXIII. Роман Гладкова «Цемент». XXIX. Заключение.

3. Львов-Рогачевский В. — Книга для чтения по истории новейшей литературы. Ч. 1. Рабоче-крестьянское творчество. 3-е исправленное и дополненное издание. Рабочее Издательство «Прибой». Л. 1926. Стр. 546.

Содержание:

Предисловие к 3-му изданию. Отдел I. Предреволюционная эпоха и 1905 год. Глава 1-ая. Максим Горький — вестник рево-

люции 1905 г. Гл 2-я Демократическая беллетристика Вл. 3-я. Революционно-марксистская беллетристика. Гл. 4-я Демократическая лирика. Гл 5-я Предтечи пролетарских поэтов. Отдел II. Литература рабоче-крестьянская. Гд 1-я Ново-крестьянское творчество. 2-я. Лирика ново-крестьянских поэтов Гл 3-я Новокрестьянская беллетристика. Отдел III Пролетарское творчество Гл. 1-я Пролетарская культура Гл 2-я. Революционная сатира Гл. 3-я Эпос. Гл 4-я. Лирика Группа ленинградских пролетарских поэтов. Гл 5-я Лирика. Группа «Кузницы» Гл. 6-я Лирика. Группа «Октября». Поэты вне групп. Гл. 7-я. Лирика. «Рабочая весна». Гл 8-я Лирика Иваново-Вознесенский ткацкий район. Гл 9-я Писатели-комсомольцы Группа «Перевал» Гл 10-я Поворот к классикам.

4. Львов-Рогачевский В. — Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Ч. II. «Прибой». Л. 1925. Стр. 531.

Содержание

Писатели нашей революционной эпохи (вместо предисловия) Заметка Ленина. «К очистке русского языка» Отдел I. Под знаком активной борьбы. Гл 1-й. Писатели-коммунисты. Гл 2-я Писатели-эмигранты. Отдел II. Художники, показавшие тех, кто «в тупике». Гл 1-я Вересаев и друг. Отдел III «Попутчики» Гл. 1-я Партийные публицисты о попутчиках. Гл 2-я Попутчики-символисты. Гл 3-я Левый фронт искусств Гл 4-я. Поэты-футуристы. Гл 5-я Попутчики-реалисты Лирика. Гл. 6-я. Попутчики-реалисты. Художественная проза. Отдел IV. Формалисты. Гл. 1-я Пильняк и др Гл 2-я Шкловский и др.

5. Львов-Рогачевский В.—Новейшая русская литература. 6-е издание, переработанное автором. Кооперативное издательство «Мир». М. 1927. Стр. 424.

Содержание:

Предисловие к 5-му изданию. Ч. I Писатели, связанные с усадьбой. 1. Л. Толстой. 2. Фет-Шеншин 3. Бунин 4 А. Толстой. 5. Зайцев. 6 Новиков 7. Куприн 8. Сергеев-Ценский. 9. Гумилев Ч II. Городская Россия. 1. Достоевский. 2. Торжествующий мещанин. 3 Гаршин. 4. Короленко. 5 Чехов. 6. Символисты-декаденты. 7 Бальмонт Ч. III. Предреволюционная эпоха. 1. Плеханов 2. Писатель-интеллигент 3 Буревестник. 4. Л Андреев. 5 После революции 1905 г. 6. От Достоевского к Толстому 7. Шмелев 8. Футуристы, имажинисты, адамисты 9 Новые

крестьянские писатели Ново-крестьянский поэт-символист 10. Поэт Поволжья—Ширяевец (Абрамов) 11 Неверов 12. Пролетарские писатели. 13 Д Бедный 14 А Блок в эпоху пролетарской революции. 15 Беллетристы революционной эпохи 16. Б Пильняк. 17 Вс Иванов. 18 Сейфуллина. 19 Будущее русской литературы.

6. Марксистская хрестоматия по литературе. — Состав. Голубков, Горностаев, Лукьяновский и Сахаров. Пособие для школы и для самообразования. «Новая Москва». 1925. Стр. 471.

Содержание

Общие вопросы. I Марксистский метод изучения искусства и литературы. II Марксизм и формальный метод III Марксизм и литературное наследство. Образцы марксистской критики. Писатели XIX и начала XX в Современники 1) Прозаики. 2) Поэты.

7. Писатели-современники. — Пособие для лабораторных занятий в школе и для самообразования. Составили Голубков, Данков и др. Под редакцией Голубкова В. Изд. II, переработанное. ГИЗ. М-Л. 1927. Стр. 271.

Содержание.

Предисловие ко II-му изданию. I Беллетристы. Бабель. Бибик, Вересаев. Вольнов Гладков Горький Иванов Леонов. Либединский. Ляшко. Неверов. Низовой Новиков-Прибой. Пильняк. Романов. Сейфуллина. Серафимович. Яковлев II. Поэты. Александровский. Д Бедный. Безыменский Герасимов. Есенин. Казин. Кириллов. Клюев. Маяковский. Обрадович. Орешин

(Библиографические материалы. Перечень произведений Критические статьи. Библиография критической литературы Темы для школьной проработки).

8. Современные писатели в школе.—Под редакцией Ефремина, Кубикова и Обрадовича. ГИЗ. Л. 1925. Вып. I. Стр. 253.

Содержание.

От составителя I Бедный II. М. Горький. III Серафимович IV Сейфуллина. V Ляшко. VI. Бибик. VII. Неверов. VIII Гера-

симов. IX. Либединский. X. Казин. XI. Орешин XII Кириллов XIII. Маширов-Самобытник

9. Современные писатели в школе.—Под редакцией Ефремина и Кубикова. Вып. II. ГИЗ. М.-Л. 1927. Стр. 173.

Содержание.

От составителей. Леонов. Яковлев. Брюсов. Семенов. Маяковский Гладков. Безыменский. Иванов. Обрадович. Шишков Гастев Полетаев Доронин Жаров. Литература наших дней в восприятии учащейся молодежи. Библиография.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМ...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр

От автора 3

I. Писатели

1 Бабель 11
2. Вересаев 16
3. Гладков 21
4. Горький 27
5 Иванов 37
6. Леонов 43
7. Лебединский 48
8. Ляшко 53
9. Неверов 61
10. Новиков-Прибой 66
11. Сейфуллина 73
12 Серафимович 79
13. Фадеев 84
14. Федин 90
15. Фурманов 95

II. Указатель пособий по современной русской художественной литературе

1. Биография и библиография 105
2. Критика 107
3. Учебные пособия 112

Цена 60 коп.

Издательство „БИП“
Одесса, Пушкинская улица № 22, телефон № 14-55.

3728